

ТАТЬЯНА
Никанорова

Смотри,
НО НЕ ТРОГАЙ

Татьяна Никандрова

Смотри, но не трогай

<https://litres.ru/74596718>

Аннотация

Когда мы впервые повстречались, я не знала, кто он. Самоуверенный мажор вскружил мне голову, а потом столкнул с небес на землю. Я надеялась, что больше никогда его не увижу, но жизнь сыграла злую шутку. Через пару дней стало известно, что он и есть мой загадочный сводный брат. Тот самый, кто демонстративно пропустил свадьбу наших родителей... Мы с ним из разных миров, но вынуждены жить в одном доме. Он меня ненавидит, и я отвечаю ему тем же. Он изводит меня каждый божий день, и я пытаюсь дать отпор. И, похоже, мы не остановимся, пока один из нас не уничтожит другого.

♥# История Леры Грановской из романа «Слабо не влюбиться?». Самостоятельная книга. ♥# Хорошая девушка и наглый мажор ♥# Эмоционально, молодежно и с каплей стекла

Продолжение "Люби, но не рань" уже на сайте:

♥# ВЫШЛА НА БУМАГЕ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ АСТ!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	40
Глава 8	47
Глава 9	54
Глава 10	60
Глава 11	68
Глава 12	74
Глава 13	81
Глава 14	89
Глава 15	97
Глава 16	104
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Глава 1

Тимур

– Отец, ты звал? – просовываю голову в дверь кабинета.

– Да, войди, – кивает сухо.

Медленнодвигаюсь к креслу для посетителей, которое находится с противоположной стороны его массивного дубового стола. Намеренно шаркаю ногами об пол. Знаю, что старика это бесит. Поэтому я получаю поистине садистское удовольствие.

– Смотрю, очередную картинку прикупил? – бросаю небрежно, разглядывая новое «произведение искусства», висящее за его спиной.

– Эта, как ты выразился, картинка стоит дороже, чем твой глянцевоый автопарк, – пригвождает холодным взглядом. – А вообще да, прикупил. Нравится?

– Не-а, – отвечаю нагло, гоняя во рту жвачку. – Как по мне, мазня мазнёй.

На самом деле картина и правда ничего. Навевает весеннее настроение. Но я лучше удавлюсь, чем признаюсь в этом отцу.

– Ничего другого я от тебя и не ждал, – в его голосе нет никаких эмоций. Он сухой и безжизненный. Словно опавшая листва.

– Ну так чего звал-то? По делу или по сыну соскучился?
– не могу удержаться от сарказма.

– У меня к тебе важный разговор, – не реагируя на мой выпад, цедит отец. – Поэтому желательно, чтобы ты был серьезен.

– А я что, несерьезен? – наигранно удивляюсь.

– Тимур! – рывкает он. – Возьми себя в руки и сосредоточься.

Демонстративно закатываю глаза, но от ответного комментария воздерживаюсь.

– И вынь изо рта чертову жвачку. А то как корова на лугу.

Стискиваю зубы, буравя отца неприязненным взглядом. Чавкать перестаю, однако резинку изо рта не вынимаю.

– В общем, я хотел тебе сообщить, что женюсь, – помолчав, огорошивает он.

Воцаряется пауза. Прямо немая сцена. Гоголь, мать его. «Ревизор».

Отец смотрит на меня в напряженном ожидании, а я хватаю ртом стремительно исчезающий воздух.

– Че-го?! – на выдохе переспрашиваю я, решив, что ослышался.

– Я женюсь, – повторяет мрачно. – На Елизавете Ивановне Грановской. Ты ее видел.

Да, черта с два, я видел эту бабу. У нее на лице написано «охотница за миллионами». Последние два месяца отец таскался с ней на все более-менее важные общественные меро-

приятия. Я знал, что он ее потрахивает, но не придавал этому особого значения. В конце концов, это его выбор и его жизнь.

Но свадьба?! Это зашквар. Батя окончательно из ума вышел!

– А ты не староват для таких дел? – фыркаю.

У меня привычка – прятать боль за едкой иронией.

– Есть выражение «любви все возрасты покорны», – невозмутимо отвечает он.

– Любви?! – вскидываюсь на кресле как ошпаренный. – Ты сам-то себя слышишь?! Могила матери еще травой не поросла, а ты уже о какой-то любви лечишь!

Я злюсь. На себя – за то, что потерял самообладание. На отца – за то, что у него такая ублюдочная натура. Всю свою жизнь он шел по головам и сейчас не останавливается. Вижу цель, не вижу препятствий – это прям про моего папашу.

Не зря же он один из богатейших людей страны. И, наверное, самый бесчувственный из них.

– Тимур, послушай, – он не повышает голос, но я отчетливо слышу скрежет металла, – маму уже не вернешь. Поэтому нам обоим нужно постараться жить дальше.

– Ну у тебя это прекрасно получается, – из меня буквально сочится яд, потому что я сам им переполнен. – Сейчас обзаведешься новой женушкой, поселишь ее в своем доме и забудешь, что когда-то здесь жила мама. Выветришь все воспоминания о ней. Да, пап? Так это будет? – вскакиваю на

ноги и, слегка наклонившись, упираюсь ладонями в край его стола. – А, может быть, ты уже забыл? Ты забыл ее, пап?!

– Я не забыл, – чеканит, глядя куда-то мимо меня. – И никогда не забуду.

В целом старик спокоен, но напряженные желваки выдают его раздражение.

– Ты помнишь, какого цвета были ее глаза?! – наседаю я, повышая голос. – Не перед смертью, а когда она была еще здорова. Помнишь?!

Отец медленно переводит на меня тяжелый, но пустой взгляд. В нем нет ничего: ни тепла, ни нежности. Лишь ледяное, царапающее безразличие. Смотрю в холодные черные глаза, и до меня постепенно доходит, что все это время отец был равнодушен к моей матери. Так же, как теперь равнодушен ко мне.

– Ты ведешь себя как ребенок. Капризный и импульсивный, – он вновь включает строгого родителя. – Пора бы тебе уже наконец...

– Они были карими, – не даю ему договорить. – Мамины глаза были светло-карими. Прямо как тот бренди за пол-ляма, который ты так любишь. Уж его-то цвет ты бы наверняка никогда не забыл.

Вена на лбу отца угрожающе вздувается, но мне, вопреки обыкновению, не страшно. Я вообще ничего не чувствую. Даже подпитывающая меня ярость куда-то пропала.

В душе зияет огромная черная дыра, которая с момента

смерти мамы так и не затянулась. Конечно, время от времени я забываю о боли. Забиваю голову чем-то быстрым и легким. Но, стоит представить ее теплые осенние глаза или даже просто оказаться в одиночестве, как искромсанное, изъеденное тоской нутро снова начинает кровоточить.

Долбанные воспоминания... Если честно, в такие моменты я даже завидую отцу. Ведь, когда не любишь, отпускать гораздо легче.

Старик не спешит с ответом, да и я не вижу смысла продолжать этот никчемный разговор. Разворачиваюсь на пятках и покидаю его кабинет.

Не забыв при этом громко хлопнуть дверью.

Глава 2

Тимур

Три месяца спустя.

Лениво выпускаю изо рта кальянные кольца, вполуха слушая, как Веник заливает о своих любовных похождениях. Якобы развел на интим сразу двух девиц. Я в этом, конечно, очень сильно сомневаюсь, но спорить не пытаюсь. Пускай болтает, что хочет. Главное, что его треп действительно забавляет. А остальное в общем-то неважно.

– А я им говорю: «Девчонки, я один, а вас двое. Как будем решать эту сложную арифметическую задачу?»

Парни одобрительно гогочут. Что-что, а завладевать вниманием публики Веник умеет мастерски. Жаль только, что большинство его веселых историй -фейк.

Перевожу взгляд на танцпол, расположенный под нами, и без особого интереса наблюдаю за резвящейся толпой. Мы с пацанами арендовали застекленную вип-зону, поэтому у нас есть возможность перетереть и выпить в условиях относительной тишины. А вот внизу музыка кувалдой долбит по перепонкам – там даже не поговоришь нормально.

Внезапно входная дверь распаивается, и на пороге показывается последний недостающий элемент нашей компашки – Ранель Измайлов. Он – мой лучший друг и единственный,

с кем я действительно общаюсь на равных. Это довольно парадоксально, учитывая, что, в отличие от остальных моих приятелей, Ран родом из простой семьи. И вообще, он даже не Москвич. Приехал в столицу из какой-то глубинки, крутится как может. Обычно плебсу не место в наших кругах, но Ранель вот как-то пробился. И даже заслужил определенный авторитет в глазах зажавшейся золотой молодежи.

– Всем здорово, – бросает Измайлов, по очереди пожимая пацанам руки.

Он почти никогда не улыбается, да и сейчас на его лице царствует выражение легкой скуки. Молча протягиваю ему ладонь и получаю крепкое рукопожатие. Друг падает рядом и без особых церемоний забирает у меня кальянную трубку. Меняет мундштук и делает глубокую затяжку.

– Ну че, Тим, как там твой старик? – выпускает дым наружу. – Женился?

– Угу, – подтверждаю мрачно.

– Как свадьбка? Шик, блеск и перья из жопы?

– Хрен знает, – пожимаю плечами. – Я там не был.

– Пропустил женитьбу бати? – в глазах Ранеля читается удивление. – Жестко. Он тебя за это не придушит?

– Да мне плевать, – дергаю головой. – Мне его новая семейка даром не упала.

– Семейка? Выходит, там не только женушка?

– Нет. Баба с багажом оказалась, – чувствую, как во мне снова закипает злость.

Не знаю, почему, но моя ненависть к отцовской шаболде увеличивается прямо-таки в геометрической прогрессии. Даже говорить о ней неприятно. Аж зубы сводит.

– Значит, у тебя теперь будет сводный брат, – друг откровенно потешается. – Ну, или сестрица.

– Сестрица-тупица, – брезгливо морщусь. – Докатился, блин.

– И как она из себя?

– Без понятия, я ж ее не видел. Но наверняка такая же напыщенная овца, как и ее мать, – выдаю с досадой. – Сам знаешь, яблочко от яблоньки.

– Ну да, – задумчиво тянет друг, опустив взгляд на танцующих. – Ладно, Тим, не загоняйся ты так. Подумаешь, женился твой пахан на старости лет... С кем не бывает? Может, они месяцок поживут да разбегутся. Классическая история.

– Хрена с два эта хищница его отпустит. Вцепилась мертвой хваткой, – цежу, гневно сжимая бокал. – Она ж нищенка, Ран. До знакомства с отцом в какой-то сраной лаборатории работала, чужие экскременты под лупой разглядывала. А тут такой улов – олигарх, вдовец... Не-е-ет, теперь ее из нашего дома ни крестом, ни чесноком не вытравишь.

Измайлов ухмыляется, а потом сочувственно хлопает меня по плечу и говорит:

– Забей, Тим. Все равно ты скоро в свою хату съезжаешь.

– побыстрее бы, – выдыхаю. – Еще этот долбанный ремонт затягивается...

Делаю очередной глоток и устало опускаю веки. Пришел сюда расслабиться, а в итоге опять напрягаюсь. Надо сворачивать разговоры об отцовской гадюке. А то так весь вечер улетит в трубу.

– Смотри, – Ран кивает куда-то на танцпол. – Свежее мясо.

Перехватываю направление его взгляда и замечаю кучку молоденьких девочек. Судя по виду перепуганных зверьков, они тут новенькие. Да и вообще, на заядлых клубных чик не похожи. Жмутся друг к другу, боязливо озираются по сторонам, неуверенно переминаются с ноги на ногу, явно не зная, куда идти дальше.

Снова отпиваю из бокала и, оторвавшись от спинки дивана, подаюсь вперед. Всматриваюсь. Особое внимание привлекает одна из них – блондинка в короткой джинсовой юбке. Фигурка у нее щупловата, зато фейс просто идеальный. Огромные, широко распахнутые глаза, естественные пухлые губы и живая мимика – девчонка вся такая воздушная, невинная, непорочная... Пряма так и тянет испортить.

Просто прелесть, какая дурочка.

– А вон та, с бантом на голове, ничего, – комментирует Ран.

Опять вглядываюсь в толпу, пытаюсь понять, о ком говорит друг, и вдруг вижу на волосах своей блондинки небольшую заколку в виде маленького бантика. Вырядилась как долбаная школьница, ей-богу.

Но от этого лишь сильнее хочется.

– Эта сегодня моя, – навожу на нее два пальца, делая вид, что целюсь.

Девчонка плавно пританцовывает, не догадываясь о том, что ее скоро ждет.

– С хрена ли твоя? – друг возмущенно пихает меня в бок.

– Понравилась, – имитирую выстрел.

– Ладно, забирай, – ворчит, поразмыслив. – Но учти, уступаю только потому, что у тебя семейная драма и тебе реально надо выпустить пар. А так бы мы с тобой еще поборолись.

– И ты бы все равно проиграл, – усмехаюсь.

– Да пошел ты, – огрызается беззлобно.

– Иду-иду, – поднимаюсь на ноги и одергиваю футболку.
– Не скучай. Завтра на созвоне.

Глава 3

Лера

Московский ночной клуб – это, конечно, нечто. Не идет ни в какое сравнение с теми местами, где я пару раз тусовалась в родном городе. Здесь, в отличие от провинции, все по высшему разряду: пафосно, дорого, атмосферно.

Когда я собиралась на вечеринку, думала, что выгляжу шикарно. Но сейчас, оглядевшись по сторонам, понимаю, что оделась чересчур просто. Тут такие дамы мимо проплывают – в шелках, в жемчугах, в золоте... Так что на их фоне я в своей джинсовой юбке и кроп-топе выгляжу как сельская фанатка Бритни Спирс.

Однако справедливости ради замечу, что мои новоприобретенные приятельницы выглядят ничуть не лучше. Наверное, потому что они тоже приезжие. В провинциях как-то не принято наряжаться в платья в пол для того, чтобы просто выпить и потанцевать.

Мы с девочками познакомились во время поступления в ВУЗ. Вместе сидели в очереди в приемную комиссию. Потом, когда стал известен список поступивших, организовали небольшой чат и стали общаться теснее. И вот на днях Диляра, самая прошаренная из нас, предложила сходить в клуб. Чтобы, так сказать, развеяться перед началом напряженной

учебы.

– Девочки, пойдёте сюда, к бару, – кричит Полина, ука-
зывая на только что освободившиеся высокие стулья. – Хоть
попить купим.

Попить – это хорошо. Отличная идея. Несмотря на вен-
тиляцию, в клубе душно. А может, это просто мне так
кажется. Все-таки я чувствую себя не совсем в своей тарелке.

Мы с девочками заказываем по коктейлю, стараясь не по-
давать виду, как сильно наш шокируют цены. Все-таки к
Московскому уровню жизни надо привыкать. А это делается
не за один день.

– Я оплачу, – где-то над самым ухом раздаётся хриплый
баритон.

А в следующий миг перед моим взором проносится смуг-
лая мужская рука с дорожными часами на запястье. Незна-
комец прикладывает платиновую карту к терминалу оплаты,
тем самым избавляя нас с девочками от необходимости рас-
ставаться со своими кровными.

– Спасибо! Спасибо большое! – хором щебечут мои при-
ятельницы.

Поднимаю глаза на загадочного благотворителя, и от со-
прикосновения с тягучим шоколадным взглядом вздраги-
ваю. Потому что его внешность – это что-то запредельное.
Он похож на актёра, рок-звезду и маньяка. И это все одно-
временно. Я никогда не видела таких парней... Честно. Ну,
разве что по телеку. Или во сне. А наяву мужикам не при-

стало быть такими отпадными.

– Привет, – его губы растягиваются в лукавой улыбке. – Потанцуем?

Оглядываюсь на девчонок и понимаю, что они все смотрят на незнакомца с неподдельным восхищением. Ну еще бы. Какие плечи, какой рост, какая стать! Альфа-самец во всем своем тестостероновом великолепии!

Создавая этого парня, матушка-природа явно потрудились на славу. Надо быть слепой, чтобы этого не заметить.

– Ну... Давай, – сделав пару глотков сладковатого коктейля, соглашаюсь. Но без особого энтузиазма.

Он и так прекрасно знает, что неотразим. Ни к чему лишний раз напоминать об этом.

Парень обхватывает кончики моих пальцев и утягивает за собой. Его ладонь большая, горячая, и через тело разряд за разрядом проходит ток. Я не преувеличиваю, меня реально шарашит электричеством. От одного лишь невинного касания.

Сглатываю волнение и расправляю плечи. Напоминаю себе, что я тоже красивая. Иначе бы он просто не подошел. А значит, нужно пользоваться своей внешностью как козырем. Нести себя как королева, а не растекаться лужицей у ног роскошного мажора. Хотя, подозреваю, он привык именно к такой реакции.

По правде, я всю сознательную жизнь обходила таких парней стороной. Ведь настолько очевидная привлекательность

вкупе с толстым кошельком дает неограниченные права и пожизненный карт-бланш на мудачество.

Но сейчас по какой-то неведомой причине я не могу, да и, если честно, не хочу посылать незнакомца лесом. Меня тянет к нему. Прямо как мотылька на испепеляющее пламя.

Мы становимся друг напротив друга, и парень плавно придвигает меня к себе. Располагает руки чуть ниже талии и ловит мой взор своим, ленивым и как будто немного сонным. Но таким многозначительным, что в голову мгновенно ударяет морок, а по венам разливается обжигающий жар.

Тут-тук. Тук-тук. Тук-тук. Сердце предательски разгоняется.

Мне нравится и одновременно не нравится то, что он не спешит завязывать разговор. Даже имени моего не спрашивает. словно дразнит равнодушием. Это будоражит и вместе с тем нервирует. Накаляет атмосферу. Изматывает.

Толпа вокруг нас сотрясается в бешеном ритме музыки, а мы, напротив, движемся медленно, будто плаваем на невидимых волнах. Ни на кого не обращаемся внимания. Ни от кого не зависим. Покачиваемся из стороны в сторону, неотрывно гипнотизируя друг друга, и молчим. И в этом молчании мне слышится такой провокационный, такой смущающий подтекст, что к щекам невольно приливает румянец.

Уж лучше бы он отпускал пошлые шуточки... Тогда бы я смогла его достойно осадить. А так... За раздевание взглядом ведь претензию не предъявишь!

– Почему ты так смотришь? – я не выдерживаю первая.

– Как? – из-за громкой музыки я плохо его слышу. Скорее, читаю по губам.

– Словно хочешь меня съесть, – чтобы видеть его лицо, приходится сильно задирать голову. Он чертовски высокий. Под два метра, наверное.

– Так и есть, – ничуть не смутившись, парень наклоняется к моему уху. – Увидев тебя, я проголодался.

Я знаю, что он говорит не о пище, но все равно ума не приложу, что на это ответить. Волнение парализует остро-словие. Однако, судя по невозмутимому виду, незнакомец в ответных репликах не нуждается. Снова глядит на меня из-под полуприкрытых век и дьявольски обворожительно улыбається.

– Ну а ты? – снова подает голос. – Не голодна?

А сейчас он о чем? Все еще о сексе? Или уже о настоящей еде?

– Я люблю роллы, – говорю с вызовом.

Пусть он ведет свою игру. А я буду вести свою.

– Окей, – кивает. – Пошли.

Снова хватает меня за руку и куда-то тащит. На дрожащих ногах семеню за ним, а сама гадаю, не ввязываюсь ли я в какую-нибудь рискованную авантюру. Этот парень совершенно не похож на того, кому можно доверять. От него веет смутной угрозой. А еще животным магнетизмом, под воздействием которого у меня плавятся мозги и выделяется

слюна.

Крайне опасное сочетание.

Миновав длинный коридор, мы заходим в какую-то комнату с приглушенным светом. Однако здесь стоит стол, а на нем лежит меню. И это немного успокаивает.

– Мы сейчас будем есть? – уточняю на всякий случай.

– Как определишься, нажми эту кнопку, – указывает на край стола. – Официант примет твой заказ.

Парень расслабленно опускается на диван и, закинув ногу в дизайнерском кроссовке на оттоманку, принимает полулежащее положение.

Царь! Не меньше.

Сажусь неподалеку и, взяв в руки меню, принимаюсь его изучать. Выбор роллов здесь поистине огромный. Некоторые названия я вообще вижу впервые.

– Я буду Филадельфию и облепиховый чай, – говорю я, быстро пролистав папку. – Передашь мой заказ официанту? Мне пока нужно выйти в дамскую.

– Что, прямо сейчас? – он капризно изгибает бровь.

Кажется, у парня все же есть определенный план. И мое поведение ему не соответствует.

– Да, сейчас.

– Зачем? – вопрос в лоб.

«Затем, что перед едой мне нужно вколоть инсулин! Иначе я могу умереть!» – чуть не выпаливаю я, но в итоге, разумеется, сдерживаюсь. Сейчас не самое подходящее вре-

мя для откровений на тему хронических заболеваний. Мы и имен-то друг друга по-прежнему не знаем.

– Хочу пisać, – произношу невозмутимо.

Ну а что? Каков вопрос, таков ответ.

– Прямо по коридору и налево.

Видимо, моя реплика показалась ему исчерпывающей.

– Спасибо, – натягиваю очаровательную улыбочку. – Я скоро.

Глава 4

Лера

Когда я возвращаюсь в комнату, на столе меня уже ждут роллы и ароматный чай, а незнакомец все в той же расслабленной позе заливает в телефоне. Сажусь обратно на диван, однако парень не спешит отрывать внимание от гаджета: увлеченно с кем-то переписывается со скоростью, наверное, миллион знаков в час.

– А себе ты ничего не заказал? – спрашиваю я, подустав от затянувшейся тишины.

– Нет.

И все. Снова сбивающее с толку молчание.

С одной стороны, я ему вроде как симпатична, а с другой – те несколько фраз, что он бросил до этого, больше напоминают не проявление реального интереса, а какой-то очень ленивый флирт. Когда всерьез ухаживать неохота, но привычка бабника дает о себе знать – ни одну юбку нельзя пропустить мимо.

– Ты доела? – спрашивает, когда я заканчиваю свою молчаливую трапезу.

Будь этот парень попроще и пострашнее, я бы уже давно щелкнула его по носу. Ну, в переносном смысле, разумеется. Показала бы характер, приструнила бы немного... Коро-

че говоря, не потерпела бы демонстративной тишины и снисходительного отношения к своей персоне. Но в присутствии этого брүнета я как-то тушуюсь. Волнуюсь и теряю свое хваленое красноречие.

И это чертовски злит.

– Да. Спасибо, было вкусно.

Парень наконец отрывается от моби́льника и переводит взгляд на меня. Смотрит, слегка сощу́рив веки, отчего глаза прячутся в тени густых темных ресниц. Смотрит пристально, нескромно, даже немного нахально. Так, будто знает про меня что-то пикантное, и это его забавляет.

– Рад, что тебе понравилось, – его голос вибрирует интимной хрипотцой. – Может, теперь мы утолим и мой голод?

С этими словами он резко подается вперед и, обхватив мой затылок, притягивает мое лицо к своему. Кожу опалает жаром его дыхания, а тело пронзает предательская дрожь. Парень накрывает ртом мои губы, и под его сминающим натиском я вспыхиваю, как рождественский фейерверк.

Мгновенно. Молниеносно. Непростительно быстро.

Он ласкает меня, а я думаю о том, что нужно сопротивляться. Нужно сказать «нет», отстоять свои границы. Нельзя сдаваться ему без боя. Однако порыв моей гордости ограничивается только мыслями – на действия попросту нет сил. Я таю и размякаю, становясь податливой, будто пластилин.

Долбанные гормоны! Будьте вы прокляты!

Незнакомец, чьего имени я до сих пор не знаю, целуется

впечатляюще умело. Неторопливо, но в то же время жадно и со вкусом. Облизывает мои губы, толкается в мой язык своим, напористым и дерзким. Это вызывающе пошло и умопомрачительно хорошо. Наверное, поэтому я так стремительно теряю волю.

Внезапно парень разрывает контакт и снова впивается поплывшим взглядом в мои глаза. Глядит так, будто пьян. Как совсем неадекватный. Словно под чем-то... У таких, как он, это вроде в порядке вещей...

– Имя? – хрипит требовательно.

– А? – лепечу я, потеряв себя в пространстве и времени.

Наверное, если бы не его сильные руки, окольцовывающие мое тело, я бы уже давно рухнула.

– Зовут как? – во взгляде парня сгущается черная липкая мгла.

– Лера...

– Ты мне нравишься, Лера, – мое имя он произносит как-то пугающе хищно. – Будь хорошей девочкой.

Снова наклоняется ко мне, но возобновлять поцелуй не спешит. Медленно проводит языком по нижней губе. Покусывает. Дразнит. Нанизывает меня на ниточку своего сексуального магнетизма...

А затем вдруг резко отталкивает назад, на диванные подушки, и, обхватив бедра, ловко переворачивает меня на живот. Все происходит так быстро, что я даже пискнуть не успеваю. Всего мгновение – и контроль над ситуацией потерян.

Утыкаюсь носом в бархатную обивку, а следом осознаю, что рука парня настойчиво скользит по моим ягодицам. Он рывком задирает узкую юбку и нащупывает белье.

Яркая вспышка гнева мгновенно отрезвляет сознание.

Нет, черта с два! Так мы не договаривались!

Адреналин ударными дозами выплескивается в кровь. Турман рассеивается. Возбуждение уходит. Остаются лишь едкое разочарование и злость.

Как он мог принять меня *затакую*?!

Приподнимаюсь на руках и, согнув колени, рывком держусь вперед. То ли специально, то ли случайно парень цепляет меня за лодыжку и я, недолго думая, лягаюсь. Со всей мощи. С размаху.

Пусть знает, как руки распускать!

Слуха касается сдавленный не то стон, не то скулеж, и, обернувшись, я вижу, что незнакомец скрючился в три погибели. Болезненно скривившись, держится за свои фаберже и глухо матерится.

Упс... Вот, получается, куда я угодила...

– Какого хрена вытворяешь? – сипит он, шумно выдыхая через нос.

– У меня к тебе тот же вопрос! – одернув юбку, вскакиваю на ноги. – Я что, похожа на шлюху?!

Окидывает меня оценивающим взглядом. Вообще-то вопрос был риторическим, но, кажется, нахал всерьез намерен на него ответить.

– Ну, скажем так, на монашку ты точно не похожа, – высекает с насмешкой.

Очевидно, боль постепенно его отпускает, потому что он убирает руку от паха и расправляет плечи, снова становясь невозмутимым и бесстрастным.

– А, значит, по-твоему, есть только две крайности: шлюха и монашка, да? – взвиваюсь я. – Третьего не дано?

– Заметь, ты сама сюда пришла. Силой никто не тащил.

– Я пришла, чтобы пообщаться с приятным, как мне показалось, молодым человеком! – восклицаю с обидой. – Но, видимо, у молодого человека совсем не разговоры на уме.

Он наклоняет голову набок, глядя на меня, как на забавную зверушку.

– А ты уверена, что нам с тобой есть, о чем общаться? – припечатывает ядовитой иронией в голосе.

Феноменальное высокомерие! Я, конечно, слышала, что мажоры – народ борзый, но не думала, что настолько! Получается, поразвлечься без обязательств он со мной готов, а для беседы с царем я рожей не вышла?!

– Ты просто хам, самонадеянно решивший, что любая девушка в этом клубе с радостью раздвинет перед тобой ноги, – цежу я, дрожа от негодования. – Так вот обломись, дружок. Ты не настолько клевый.

Парень изумленно приподнимает бровь, глядя на меня так, словно я призналась, что в прошлом у меня была борода, первичные мужские половые признаки и имя «Олег». Услы-

шанное для него, несомненно, шок. Видно, в голове не укладывается, как какая-то глупая девчонка посмела считать его величество недостаточно клевым.

— Тогда че встала? Свободна, — бросает с холодным пренебрежением. — Где выход, ты знаешь.

Его слова пощечинами оседают на лице. Я вроде не сделала ничего недостойного, но все равно чувствую себя оплеванной, униженной, использованной...

За что он со мной так? Ведь можно же было по-хорошему: познакомиться получше, узнать друг друга поближе... Но, походу, подобное желание возникло только у меня. Его же намерения изначально были исключительно горизонтального свойства.

Обидно, конечно, но не смертельно. Уже завтра я вычеркну этот неприятный инцидент из памяти и как ни в чем не бывало буду жить дальше. Я — боец. И не с таким справлялась.

Поджимаю губы и, стараясь держать голову высоко поднятой, цепляю сумочку на плечо. Этот грубиян ни за что не увидит ни печали, ни тем более моих слез. Он того попросту не стоит.

Ухожу молча. Не оглядываюсь даже тогда, когда характерное жжение меж лопаток становится невыносимым. Я знаю, он смотрит мне в спину, но никак не реагирую.

Перебьется.

Глава 5

Тимур

– Слушай, у моей подруги в субботу день рождения. В «Инферно» празднует, – мурлычет девица, зачем-то теребя край моей футболки. – Хочешь, пойдем вместе?

Блин. Ну вот какого лешего она ведется себя так, будто всерьез верит, что наше мимолетное знакомство получит продолжение? Ведь козе же ясно, что завтра я ни то что ее имени – лица не вспомню. Тут одно из двух: либо дура, либо прикидывается. Хотя, судя по всему, подобная «непонятливость» – довольно распространенная бабская хворь. Почти все мои любовницы так или иначе грешили этим.

– Не хочу, – отрезаю твердо.

– Почему? – оттрюнивает нижнюю губу.

Типа обиделась.

Хорошая попытка, но не засчитана. Джентельмен внутри меня давно помер, поэтому мое отношение к женщинам после секса диаметрально противоположно тому, что было до. Если вначале я еще готов поизображать влюбленного олуха, то после обоюдного оргазма необходимость во всякого рода театральшине отпадает. Дело сделано, верно? Значит и притворяться трепетным Ромео больше незачем.

– Потому что у меня полно других, куда более важных дел,

– встаю и, подтянув джинсы, застегиваю ремень.

– Понятно, – девица выводит длинным ногтем невидимый узор на диване, явно о чем-то размышляя. – А может, тогда в воскресенье увидимся? – вскидывает на меня глаза. – Я могу...

– Слушай, Кать, – обрубая, не дослушав. – Я же сказал, что занят.

– Я Карина, – пищит еле слышно.

А у самой подбородок дрожит. Да и глаза влажно поблескивают.

Ну приехали, блин. Детский сад, штаны на лямках. И почему у женщин после секса всегда слезы? Это какая-то традиция? Ну, вроде елки на Новый год. Или они просто все сговорились?

– Да, прости, перепутал, – извиняюсь, хотя, признаться честно, особой вины не чувствую. – Но ответ все тот же.

Секунду-другую она держится. Шмыгает носом, глядя куда-то в сторону. Мнет на груди расстегнутую блузку. А потом вдруг как-то резко обмякает, выпускает протяжный вздох и... Плотину прорывает. Из зажмуренных глаз брызгают слезы, а мордашка, которая еще мгновение назад казалась мне довольно симпатичной, багровеет и становится откровенно некрасивой.

– Ты просто меня использовал! – кричит со звенящей обидой.

Проклятье! Мне этот ниагарский водопад вообще сейчас

не в тему! Я устал и хочу жрать. А эта... как там ее... Карина мне все планы рушит. И нервы треплет. Терпеть не могу слезливые бабские спектакли. Это так... Дешево, что ли.

– Слушай, мы оба друг друга использовали. И общая цель, как мне кажется, достигнута, – наклоняюсь, пытаюсь выцепить свой телефон, который оказался аккурат под ее задницей.

– Что ты делаешь?! – с громким визгом шлепает меня по руке. – Не смей меня лапать, козел!

Прямо оскорбленная невинность, чтоб ее.

– Да твою ж мать, – закатываю глаза, мысленно перебирая весь свой богатый запас матерных слов. – Я тебя не лапаю. Я просто хочу забрать свой мобильник. Ты на нем сидишь.

– Ах так! – взвывается пуще прежнего. – Да подавись свой железякой!

Хватает несчастный гаджет и, размахнувшись, швыряет его что есть мочи.

Ба-бах! Прямо в стену.

Ну зашибись, че. Еще и без связи остался.

– Поздравляю, – выдаю мрачно. – Полагаю, теперь ты отмщена.

Не то чтобы мне сильно жаль айфон последней модели, но все же неприятно терпеть столь неожиданные убытки. Баба совсем без башки попалась. И где я таких истеричек откапываю? Пожалуй, нужно пересмотреть критерии поиска.

– Сволочь! Мудак! Свинья! – летит мне вслед, но я никак

не реагирую.

Во-первых, все это я уже слышал. Абсолютно никаких новых эпитетов. Все одна и та же старая, давно заезженная пластинка. Во-вторых, я реально подустал от высосанной из пальца драмы и хочу расслабиться. Программа минимум на вечер уже выполнена. Осталось только съесть хороший стейк и запить его американским бурбоном.

Возвращаюсь в випку к своим пацанам, которые с момента моего ухода заметно набрались. Кто-то ведет пьяные душевные разговоры, кто-то молча дремлет с кальянной трубкой меж зубов, ну а кто-то и вовсе спустился на танцпол, решив попытать счастья среди веселящихся клубных девиц.

Однако пьянее всех, несомненно, балабол Веник. Залез на стол и что-то самозабвенно декламирует, путаясь не только в словах, но и в собственных конечностях.

Чтоб вы понимали, алкоголь и Веник никогда не были ни друзьями, ни даже приятелями. Чувство меры другу неведомо, а чудачества под напором градуса становятся совсем уж безбашенными. Помнится, пару лет назад, уже будучи здоровенным лбом, он решил лизнуть замерзшие качели. Зимой. Думаю, рассказывать, чем все закончилось, не нужно. Если вкратце – было много криков, мата и запоздалых сожалений на протрезвевшую от боли голову.

– О, Тимка! – вопит Веник, заметив меня. – Где ты был?

Спотыкаясь об собственные ноги, он спрыгивает со стола и виснет у меня на плече.

— Где был, там меня уже нет, — отзываюсь беззлобно. — Эй, слюнями-то на меня не капай!

— Да ладно, не будь снобом, — хмурится приятель. — Давай-ка лучше еще по рюмочке!

— Хватит с тебя уже рюмочек, — сажаю его в мягкий пуф и, чтобы отвлечь, вручаю джйостик от игровой приставки. — На вот, порубись пока. Глядишь, протрезвеешь немного.

Отвязавшись от Веника, вызываю официанта и заказываю Стриплойн средней прожарки. Подливаю себе в стакан виски и плюхаюсь на диван рядом с зависающим в телефоне Раном.

— Ну как с девочкой? — не отрываясь от экрана, спрашивает он. — Выгорело?

— Выгорело, но с другой.

— Чего так? — хмыкает. — Жестковата оказалась телочка? Не по зубам?

— По зубам получишь ты, если будешь много говорить, — осаждаю. — А баба просто дурная. С тараканами.

— Вот уж не подумал бы, что Алаев испугается безобидных насекомых, — ржет этот осел.

— Ран, — повторяю предостерегающе. — Угомонись.

— Да ладно, брат, чего какой серьезный, — откидывается на спинку дивана. — Чилим же. Расслабляемся.

Ага, как же, расслабишься тут. Стоит мне вспомнить эту ненормальную Леру-холеру, которая меня чуть импотентом не сделала, как желваки невольно напрягаются и начинают

ходить ходуном. Какая же все-таки наглая и спесивая баба! На ее фоне даже разбивающая телефоны Карина кажется не такой уж психопаткой...

Ай, ладно, к черту эту лягушку пучеглазую. Еще думать о ней не хватало. Дуры они и в Африке дуры. Ничего с ними не поделаешь.

Глава 6

Тимур

– Где тебя, гаденыш этакий, носит?! – вопит отец в трубку, когда я звоню ему, засунув симку в новый, только-только купленный телефон. – Я до тебя все утро дозвониться не могу! Опять бухал всю ночь?! Признавайся!

Я прямо вижу, как старик, гневно распаляясь, брызжет слюной и наливается краской. Эта картинка была у меня перед глазами сотни раз. Поэтому я могу представить ее на удивление живо.

– Ну, бухал, и что? – отвечаю с вызовом.

На самом деле пил я мало, а в отель вернулся уже окончательно протрезвевшим. Но бате об этом знать необязательно. Он всегда думает обо мне хуже, чем я есть на самом деле. Так пусть и этот случай не станет исключением. Тем более, что мне нравится его злить. Я, словно энергетический вампир, подпитываюсь отцовским негативом. Жру его и становлюсь веселее.

– И ничего! – рывкает он. – О вреде чрезмерного употребления алкоголя я с тобой позже поговорю. А сейчас руки в ноги – и бегом домой!

– И с чего это я вдруг понадобился счастливому молодому? – ерничаю.

– Совесть имей, паршивец! – цедит отец, понижая голос.
– Уже который день черт знает где шляешься! На свадьбу не пришел, так хоть дома появишься. По-человечески познакомься с новой семьей.

– Они мне не семья! – выкрикиваю разъяренно.

– Они – моя семья, – чеканит каждое слово. – А значит, как следствие, и твоя. Поэтому, будь добр, прояви хоть каплю уважения. Мы все тебя ждем.

– У меня еще куча дел и...

– Тимур, – перебивает. – Это не обсуждается. Ты приедешь домой. Сейчас же.

Стиснув в руке телефон, сжимаю челюсти почти до судороги. Как же достало! Отец и фальшивые семейные ценности, которые он пытается мне втюхать, напоминают кость, застрявшую поперек горла. Его новая баба и ее прицеп в виде дочери мне никто. Я им не рад. Я их ненавижу. Моей настоящей и единственной семьей была мама. А теперь ее нет. Я один. И мне больше никто не нужен.

– Ладно, я буду, – холодно бросаю в трубку.

Рано или поздно познакомиться все равно придется. А иначе отец не отстанет. День за днем будет капать на мозги, словно кислота, разъедая мою и без того шаткую нервную систему.

Что ж, пусть будет по его. Я приеду и представлюсь его жене и ее дочке. От меня не убудет. Но это вовсе не значит, что я допускаю возможность дать им шанс или что-то вро-

де того. Нет. Я просто соблюдаю тупую формальность. Покажусь этим гребаным дамочкам, помашу им ручкой и сваю в закат.

Ремонт в моей квартире, конечно, пока не закончен, но временно можно перекантоваться и в отеле. Уж лучше жить в комфортабельном люксе, чем под одной крышей с этими ядовитыми змеями.

– Отлично, – мне чудится, или в голосе отца слышится облегчение? – Только, Тимур, прошу, давай без выкрутасов. Лиза с Лерой и правда очень хотят найти с тобой общий язык. Тебепросто нужно...

– Мне нужно явиться на поклон, – договариваю за него. – И я это сделаю. Но о большем не проси.

Не дожидаясь ответа, сбрасываю вызов. Всколыхнувшись злость плещется где-то на уровне пищевода, грозя исторгнуть недавно съеденный завтрак. Меня так и подмывает запульнуть мобильник куда-нибудь подальше, выместить на нем свой гнев. Но, приложив усилие, я сдерживаю эмоциональный порыв, ограничиваясь лишь до боли сжатыми кулаками. Неохота снова заморачиваться с покупкой гаджета. Новому ведь как-никак еще и часа нет.

Путь до дома занимает всего полчаса. Сегодня суббота, и дороге чистые. Только в паре совсем уж узких мест приходится немного потолкаться в заторе. Но это даже к лучшему. Я только рад потянуть время перед встречей с ненавистой фурией, запудрившей мозг моему отцу.

Жаль, что в наше время ведьм не сжигают на кострах. А то б моя проблема решилась в два счета.

Заехав во двор, паркую Ламбо рядом с отцовским Роллс Ройсом. Места тут предостаточно, но я нарочно встаю поближе: батю бесит, когда кто-то притирается к его тачке. Но это ничего, перетерпит, верно? Должен же быть хоть какой-то паритет в наших отношениях. Я-то ради него, можно сказать, на горло собственной гордости наступаю.

– Тимур! Здравствуй! – первой мне навстречу выпархивает женушка отца. Вся такая приторно улыбающаяся, радушная и до омерзения милая.

Объективно говоря, Елизавета выглядит неплохо для своего возраста. Довольно моложавая, ухоженная, стройная. В принципе ясно, что отец в ней нашел. Но лично мне откровенно противно на нее смотреть, ведь за сверкающим фасадом скрывается гнилое нутро. Я же не дурак, прекрасно понимаю, что она спала с моим стариком, когда мать была еще жива. Наличие у него жены, пускай больной и немощной, ее не остановило. Натуральная гадюка.

– Здрасьте, – бросаю небрежно, глядя мимо нее.

Пусть не думает, что я буду играть по ее правилам. То, что ей удалось одурачить моего отца, вовсе не значит, что этот фокус пройдет и со мной.

– Проходи. Мы так рады тебя видеть, – суется Елизавета. – Анвар, выходи скорее! Тимур приехал.

Проходи, блин. И смех и грех. Кто бы мог подумать, что

какая-то левая тетка будет приглашать меня на мою же территорию. Хорошо, хоть что-то вроде «чувствуй себя как дома» не брякнула. А то б я не сдержался.

Лениво бреду в гостиную, попутно озираясь по сторонам. В доме вроде бы все по-прежнему, но, если всматриваться, можно заметить незначительные изменения, которые мне категорически не нравятся. Например, безвкусная ваза, возникшая на комод. Или тарелка с дебильным поросенком, повисшая на стене.

Сразу видно, переехавшие сюда бабы – те еще колхозницы. Ни стиля, ни изящества. Мама с такой любовью декорировала наш дом, а эти деревенщины на раз-два превратят его в хлев. Неужели отцу не бросаются в глаза столь очевидные контрасты?

Мать была потомственной аристократкой, женщиной высочайшего класса. Умной, начитанной, воспитанной. А эта Елизавета кто? Врачиха, выучившаяся зажопинском меде? Не удивлюсь, если она первая из своего рода, кто в принципе получил высшее образование. К счастью или к сожалению, интеллект и происхождение очень часто идут в одной связке.

– Привет, сын, – густой баритон отца касается слуха, и я нехотя оборачиваюсь.

– Здорово, – подаю ему руку и даже цепляю некое подобие улыбки.

Отыгрываю роль паиньки на пределе возможностей.

– Тимур, ты есть хочешь? – кудаччет Елизавета.

Ловлю тяжелый взгляд старика и без энтузиазма отвечаю:

– Да. Можно.

– Тогда мой руки и садись за стол, – она активно изображает хозяйку. – Мы столько всего наготовили.

– Мы – это вы и Азалия? – уточняю на всякий случай.

– Нет, – смеется. – Мы – это я и Лерка моя. Сейчас я вас познакомлю. А Азалии я выходной дала. Решила семейный ужин своими силами организовать.

Зашибись. Еще и домработницу за каким-то льдом отпустили. Теперь придется с нарочито веселой миной давиться Елизаветиной стряпней, которая наверняка такая же отвратная, как и она сама.

Сполоснув руки, возвращаюсь в столовую, где уже слышен звонкий девчачий смех. Видимо, младшая ведьма тоже выползла из своего укрытия.

– Тимур, познакомься, это Лера, – провозглашает отец. – Дочь Елизаветы Ивановны.

А дальше все происходит будто в слоу-мо.

Я прямо чувствую, как время замедляется, а мимолетные, казалось бы, события растягиваются чуть ли не в вечность.

Пересекаемся взглядами. Передо мной здоровенные голубые глазища. Зрачки расширяются прямо в режиме «онлайн».

Ее облик царапает нервы смутным узнаванием. Сердце спотыкается и пропускает один удар.

Расширяю фокус внимания и беззвучно матерюсь. Сомне-

ний больше нет. Надежд на ошибку – тоже.

Я уже видел эту девушку раньше. И даже целовал.
Вчера, в клубе.

Ну, привет, Лера-холера. Вот мы и встретились.

Глава 7

Лера

– Ты?! – помимо воли с губ срывается стон.

Волосы на голове встают дыбом, когда до меня доходит, что вчерашний наглец из клуба и есть мой новоиспеченный сводный братец. Но как это возможно?! Если рассуждать математически, наша случайная встреча в одном из крупнейших мегаполисов мира относится к разряду событий с очень низкой вероятностью!

Однако, судя по всему, в случае с Алаевым даже математика бессильна. Засранец сломал систему.

Черт!

– Да, ко мне можно и на «ты», – с издевкой разрешает Тимур. – Я не возражаю.

В отличие от меня, он спокоен. Сердечные приступы от шока не ловит. Только вот в глазах затаилась холодная ярость. Смотрит так, словно одно за другим насылает небывалые проклятья.

Чур меня.

Тимур первый выходит из оцепенения. Отрывает колющий взор от моего лица и как ни в чем не бывало проходит к столу. Я тоже, кое-как взяв себя в руки, изображаю нейтральную заинтересованность цветом обоев. Бежевые.

– Лер, хлеб принеси, – командует мама, взявшая бразды кухонного правления в свои руки.

Стараясь завоевать расположение Алаева младшего, она кружит над ним, будто курица-наседка. Не жарко ли ему? Не холодно? Суп не горячий? А, может, соли маловато? А перца точно достаточно?

– Лиз, все нормально, – пытается уговорить ее Анвар Эльдарович. – Садись уже.

Мамин новый муж – хороший мужчина. И отношения у них с родительницей замечательные. Поэтому я искренне поддерживаю их союз.

Однако раньше, еще до личного знакомства, я относилась к Анвару Эльдаровичу с легкой настороженностью. Почему-то казалось, что большие деньги портят людей. Он представлялся мне взбалмошным олигархом из числа тех, у кого пальцы вечно веером. Но на деле Алаев оказался вполне приятным в общении человеком. Сдержанным, адекватным, в меру строгим. И что самое главное – по-настоящему влюбленным в мою маму. Разве о большем можно мечтать?

Ставлю на стол хлебную корзинку и занимаю свой стул. До прихода Тимура я умирала от голода, а сейчас есть как-то резко расхотелось. Этот самовлюбленный павлин спугнул мой аппетит. И наградил волнением, от которого, если честно, слегка мутит.

А поесть бы надо. Ведь минут пять назад я вколола инсулин.

– Что такое? Невкусно? – переживает мама, видя, как Алаев младший лениво ковыряется в тарелке.

– Нормально, – равнодушно пожимает плечами. – Я просто в принципе не люблю борщ.

– Ох, как же так, – сокрушается родительница, а затем переводит беспомощный взгляд на мужа. – Анвар, что же ты не сказал?

– Помнится, раньше ты с удовольствием поедал борщи, – сухо подмечает мужчина, глядя на сына.

– Ну, годы идут, люди меняются. Тебе ли не знать, отец, – тон Тимура нарочито весел. – Раньше ты клялся матери в вечной любви, а потом она заболела, и все изменилось. Как говорят французы, се ля ви.

За столом повисает пауза. Некомфортная, звенящая, давящая.

Мама затравленно гипнотизирует скрученную в руках салфетку, а Анвар Эльдарович бледнеет до состояния туалетной бумаги.

Теперь мне становится ясно, почему сводный проигнорировал свадьбу наших родителей, а потом несколько дней не выходил на связь. Он ненавидит нас. Маму и меня. Мы для него, как красная тряпка для быка – того и гляди набросится и растерзает.

Бедная мамочка. Зря она пыталась понравиться этому высокомерному снобу. Ее затея с самого начала была обречена на провал. Люди, чей взор замутнен пеленой предубеж-

дений, редко прозревают.

– Ой, чуть не забыла, – беру на себя роль спасателя ситуации, – мне сегодня утром прислали номер группы, в которой я буду учиться. Двести двадцать первая.

– Как здорово, доченька, – оживляется мама. – Даже не верится, что ты без пяти минут студентка.

– Кстати, Лера будет учиться в том же ВУЗе, что и ты, – вставляет Анвар Эльдарович, обращаясь к сыну.

– Правда? – в голосе парня нет ни грамма интереса. – Как хорошо, что на платное берут всех подряд.

Это его пренебрежительное «всех подряд» режет по самолюбию хлеще катаны, моментально выводя из себя.

– Вообще-то я поступила на бюджет! – вспыхиваю.

– И куда же? – выдает с насмешкой. – Журналистика? Филология? Или где там еще не нужно думать?

– Тимур! – гаркает Анвар Эльдарович, грозно зыркнув на отпрыска.

Хам-ло. Какой же этот Алаев все-таки хамло.

– Мехмат, – чеканю я, с мрачным триумфом наблюдая за реакцией сводного. – Фундаментальная математика и математическая физика.

Ну что? Выкусил, гад?!

Тимур, если и удивлен, то хорошо контролирует чувства. На лице ни тени эмоции, зато в глазах... Превосходство, опасность и неприязнь. Его присутствие парализует, словно медленный яд.

Неуютно. Неприятно. Нехорошо.

– Что ж, в таком случае, мы, видимо, будем сокурсниками, – заявляет парень, отодвигая от себя едва тронутый борщ.

– ЧТО?! – услышанное так сильно меня потрясает, что я теряю всяческий контроль над мимикой. Выпучиваю глаза и роняю челюсть.

– Тимур тоже поступил на мехмат, – поясняет Анвар Эльдарович. – С детства тяготеет к точным наукам.

– Это же чудесно! – мама, кажется, единственная, кто не замечает драмы, которая разворачивается прямо здесь и сейчас. – Видите, у вас уже есть кое-что общее.

Ну уж нет! Я отказываюсь, слышите? Отказываюсь иметь с этим чванливым индюком хоть что-то общее! Он наглый, борзый, самодовольный сноб, который терпеть меня не может! Да таких сокурсников врагу не пожелаешь!

– Это твоих рук дело? – Алаев переводит мрачный взгляд на отца.

Очевидно, он не меньше меня раздосадован новостями.

– О чем ты? – Анвар Эльдарович по обыкновению спокоен.

– Об этой, – делает пренебрежительной кивок в мою сторону, – и ее чудесном поступлении на мою специальность.

– Ты же слышал, Лера поступила на бюджет.

– Ой, можно подумать бюджетные места не покупаются!

Тимур говорит обо мне, будто я умственно отсталая. Будь на его месте кто-нибудь другой, это могло бы быть обидно.

Но сейчас я чувствую лишь злость. Едкую, испепеляющую нутро злость. Не для того я одиннадцать школьных лет пахла как проклятая, чтобы какие-то обуревающие мажоры вешали на меня оскорбительные ярлыки!

– С чего ты взял, что мое место куплено?! – меня аж потряхивает от негодования. – Ты вообще меня не знаешь!

– Мне достаточно одного взгляда на тебя, чтобы это понять, – рубит с неприкрытым презрением.

Я почти физически ощущаю, как иглы его ненависти вонзаются в кожу. Что он хочет этим сказать? Что я ущербная? Глупая? Недостаточно образованная?

– Так, хватит! – Анвар Эльдарович спешно промокает губы салфеткой и гневно откидывает ее с сторону. – Тимур, в мой кабинет. Живо!

Он шумно отодвигает стул позади себя и торопливо устремляется на второй этаж. Мысленно придушив меня всеми подручными средствами, его неприятный отпрыск направляется следом.

Мужчины скрываются из виду, и мы с мамой остаемся одни. Подавленные, униженные, разбитые.

– Прости меня, – говорит она, касаясь моей ладони. – Ты этого не заслужила.

– Брось, ты здесь ни при чем, – подбадривающе сжимаю ее пальцы. – Сама же знаешь, в семье не без урода.

– Я не оправдываю Тимура, но все же... Пойми, пожалуйста, ему сейчас очень непросто. Потерять родителя – это

большой стресс. В принципе он неплохой мальчик.

В этом вся моя мать – до последнего пытается разглядеть в людях хорошее.

– Я знаю, мам. Мне ведь тоже доводилось терять родителя, – вздыхаю.

– Ты у меня очень сильная, Лер, – придвигается поближе и ласково гладит по голове. – И мудрая. Мне очень повезло с тобой

– А мне с тобой, – улыбаюсь, ластясь как котенок.

Хорошо, что мы с мамой есть друг у друга.

Глава 8

Тимур

– Что это сейчас было?! – орет отец, едва дверь за нами захлопывается. – Какого хрена ты набросился на бедную девочку?!

Вижу, как вздуваются жилы на его шее. Это плохой признак, знаменующий крайнюю степень бешенства.

– Ну, брось, девочка-то теперь совсем не бедная. Смотри, в каких хоромах живет, – окидываю многозначительным взглядом пространство вокруг.

– Нет, я не понимаю, что я сделал не так? – старик падает в кресло и трет глаза большим и указательным пальцами правой руки. – Ты рос в любви, всегда получал желаемое. Мы ни в чем тебе не оказывали. Так почему же сейчас я получаю столько дерьма в ответ?

Он кажется резко постаревшим. Будто ему за секунду пятьдесят лет накинули. Плечи как-то осунулись, да и заломы морщин стали глубже.

– Это мать воспитывала меня в любви. А ты по большей части откупался дорогими игрушками, – я не щажу отца, потому что мне его не жаль.

Он же не жалел мать, когда она заболела. Как не жалел и меня, когда она умерла.

– Теперь я виноват в том, много работал, стараясь заработать денег на достойную жизнь? – его рот кривится в ироничной усмешке.

– Ты виноват в том, что тебя не было рядом.

– Знаешь, сын, сытый голодного не разумеет, – минутная слабость миновала, теперь передо мной вновь жесткий и властный бизнесмен. – Ты вырос на всем готовом, и понятия не имеешь, каково это – рвать жопу, выбиваясь из грязи в князи. Я сутками пропадал на работе, что обеспечить маму и тебя. И вместо вполне логичного «спасибо» я слышу одни лишь упреки. Да, возможно, я не был идеальным отцом и мужем. Но я правда любил вас. И правда старался.

Нет, его послушать, так он просто святой. Честный праведный труженик, сбивающий руки в кровь ради блага семьи. Тьфу, блин. Аж противно. Как будто я не знаю, что в былые времена его рабочие будни с завидной регулярностью сопровождалась игрой в блэкджек и трахом с элитными шлюхами. Как-то не очень вяжется с образом доблестного добытчика, согласитесь?

– Ну, окей, – бросаю с сарказмом. – Ты любил. И ты старался. Молодец. От меня-то ты чего хочешь?

– Перестань цепляться к Лере.

– Считай, уже перестал. Ее для меня не существует.

Чего мне стоит не замечать эту лягушку? Я так со всеми своими бывшими поступаю.

– И прекрати окатывать ее презрением. Девчонка ни в чем

не виновата.

– Что, даже смотреть нельзя?

Меня откровенно забавляет этот разговор в стиле «плохой мальчик не должен обижать хорошую девочку, а не то получит а-та-та».

– Смотри, но не трогай, – отец поднимается с кресла и, засунув руки в карманы брюк, угрожающе щурится. – Если с ней что-то случится по твоей вине, с рук тебе это не сойдет.

– За кого ты меня держишь? За малолетнего преступника? – фыркаю. – Сдалась мне твоя Лера-фанера. Пальцем не трону. Пусть только не высовывается.

– И еще кое-что, – отец интонационно выделяет фразу, поэтому я невольно напрягаюсь.

– Что?

– До тех пор, пока не будет готов ремонт в твоей квартире, ты будешь жить здесь. В этом доме.

– А это что еще за причуды? – спрашиваю кисло. – Только не говори, что резко вспылал отеческими чувствами. Ни за что не поверю.

– Тимур, мы должны попытаться стать семьей. Не только на словах, но и на деле.

Старик прямо сама серьезность. Весь такой одухотворенный, нацеленный на создание крепких уз. Интересно, где были его высокие порывы раньше? Когда мама была еще жива?

– Я не хочу жить в этом доме. Не хочу иметь ничего общего с твоими приживалками. Единственное, что я могу сде-

лать, — это засунуть их в игнор.

— А теперь послушай меня, — отец повышает голос и сам визуально становится как-то выше. — Еще одно пренебрежительное слово в адрес Лизы или Леры — и ты крупно пожалеешь.

— О, отлично, ты опустился до угроз, — комментирую ядовито. — И что же ты сделаешь? Отберешь у меня тачку?

— Я не хочу этого делать. Надеюсь, ты меня не вынудишь, — отцу, в отличие от меня, не смешно. На его лице лишь суровая решимость. — Тимур, пожалуйста, сделай шаг мне навстречу. Я очень тебя прошу.

Ну надо же, даже волшебное слово «пожалуйста» в ход пошло. Не думал, что старик его знает.

— Я в упор не понимаю, зачем тебе это надо? — качаю головой.

— Я просто верю, что еще не все потеряно, — отвечает он. Забавная фраза — не все потеряно. Приторная, пропитанная лживыми надеждами. Люди цепляются за нее, ожидая исправить неисправимое и починить то, что разбито вдребезги.

Я не верю в чудеса. Давно уже не верю. Но проблема в том, что просьба отца, по существу, таковой не является. У меня нет права выбора и права на отказ, потому что его власть над моей жизнью безгранична. *Пока* безгранична.

Я не идиот и прекрасно понимаю правила игры. Так что повторять дважды мне не нужно. Я подыграю.

– Хорошо. Но только до тех пор, пока не будет готово мое жилье, – соглашаюсь, бессильно скрипя зубами.

– Я так и сказал, – кивает. – А теперь давай спустимся и продолжим обед. Без эксцессов.

Он первый покидает кабинет, и я без энтузиазма плетусь за ним. Возвращаться к этим розовощеким горгульям жуть как не хочется, но в ближайшее время мне волей-неволей придется терпеть их тошнотворно кукольные физиономии. Папа же мечтает, чтобы мы стали семьей.

Семьей, блин. Ничего более абсурдного в жизни не слышал.

– О, что это у нас такое? – бодро интересуется старик, приблизившись к столу. – Выглядит аппетитно.

– Спагетти в сливочно-чесночном соусе, – рапортует блондинистая подлиза. – Попробуйте, Анвар Эльдарович. Уверена, вам понравится.

– С удовольствием, – отец садится. – Спасибо, Лера.

Блин. Как же она меня бесит. Мелкая, пучеглазая, и голос такой писклявый... Бр-р-р... Прямо как лезвием по стеклу.

И как она вообще могла мне понравиться? Ума не приложу. Очевидно, причина в том, что я был пьян, а в клубе – темно.

– А ты, Тимур, будешь? – таращит на меня глазищи.

Только если ты не подсыпала туда яд, пигалица.

– Да, давай, – в словах я более сдержан, чем в мыслях. – Только немного.

Какое-то время Лера колдует над моей тарелкой, а потом ставит передо мной здоровенную порцию, которой могла бы наесться целая строительная бригада после тяжелого трудового дня.

– Макароны, – вздыхаю еле слышно. – Как оригинально.

– Что ты сказал? – сестрица, оказывается, не только глазастая, но и ушастая.

– Я говорю, супер. Углеводы рулят.

– Там и курица есть. Это белок, – умничает.

С трудом удерживаюсь, чтобы не воткнуть вилку в ее большой голубой глаз. А ведь так подмывает. Так подмывает!

Вторую половину обеда я прикидываюсь глухонемым. Почти не участвую в общем разговоре, а на адресованные мне вопросы отвечаю максимально односложно. Чем меньше контактов с гадюками, тем целее нервы.

Когда я Елизавета с дочуркой принимаются убирать со стола тарелки и разливать чай, я ссылаюсь на головную боль и по-быстрому валю в свою комнату. К слову, их макароны я так и не съел. Пощадил свой бедный желудок. Уверен, после пары ложек бледного Елизаветиноного борща меня и так нехило скрутит.

Отец меня не останавливает и ничего не говорит. Он знает меру и опасается передавить. Это похвально, вот только его план под названием «счастливая семейка» обречен на неудачу. Я никогда не породнюсь с этими провинциальными ведь-

мами и никогда не проникнуть к ним симпатией.

Программа максимум – прожить пару месяцев под одной крышей и никого не придушить.

Но большее я, увы, не способен.

Глава 9

Лера

Сегодня первое сентября, и я жутко нервничаю. Встала пораньше и перемерила уже сотню нарядов. Белая блузка с юбкой в клетку? Слишком по-школьному. Черное платье с квадратным вырезом? Чересчур траурно. Обтягивающие джинсы и розовое худи? Как-то по-детски.

Я нахожусь на пороге новой студенческой жизни, и в эту жизнь мне хочется войти уверенной походкой от бедра. А для того, чтобы чувствовать себя неотразимой, нужно выглядеть соответствующе. У меня много красивой одежды, но сейчас процесс выбора идет как-то совсем уж туго. В голове сплошные сомнения.

Поочередной надеваю наиболее понравившиеся прикиды и, сфотографировав себя в зеркале, отправляю снимки своей лучшей подруге, Ваське Солнцевой. Спрашиваю, что лучше надеть, и прикрепляю к сообщению армию паникующих смайликов. Подруга, конечно, не великий эксперт в сфере моды, но человек хороший: если не поможет, так хоть морально поддержит.

Ответное сообщение прилетает мгновенно: «Только не фиолетовый сарафан!!!»

Так, понятно, сарафан отменяем. А что тогда?

Переписываюсь с Солнцевой четверть часа, и в итоге мы с ней сходимся во мнении, что лучше всего будет облачиться в светло-серое платье с белым воротничком. И стильно, и фигуру подчеркивает, и случаю соответствует.

Прощаюсь с подругой и откладываю телефон в сторону. Теперь, когда наряд выбран, нужно привести себя в порядок: душ, укладка, макияж. Выхожу в коридор и неспешно бреду в ванную. Я живу в доме Алаевых уже почти две недели, но до сих пор неважно ориентируюсь в пространстве. Тут столько комнат! В некоторые из них я до сих пор не заглядывала. С одной стороны, любопытно, конечно, а с другой... Вдруг я увижу там то, что видеть не должна? Пока я не ощущаю себя здесь как дома. Скорее, как в гостях. Надеюсь, это временно.

Распахиваю дверь ванной комнаты и... Застываю как громом пораженная. Даже крошечные волоски на теле, по ощущениям, встают дыбом.

Передо моим взором – влажная широкая спина с проработанными трапециевидными мышцами, сужающаяся к талии, и упругие ягодицы. Совершенно! Совершенно голые!

Мамочки! Что здесь происходит?!

Открываю рот, чтобы вскрикнуть, но звук так и не срысывается с губ. Я просто приросла к полу и в немом потрясении таращусь на Алаева младшего. Он стоит ко мне спиной, опершись руками на раковину, и через слегка запотевшее зеркало прожигает меня презрительно сощуренными глазами.

Господи, да у его взгляда баллистические возможности Калашникова!

– Я... Ты... Я думала... – блею, заикаясь.

Почему он обнажен?! Почему дверь не заперта?! И вообще, это вроде бы моя ванная?!

– Долго будешь пялиться? – самодовольно бросает наглец.

В отличие от меня, Алаев не испытывает ни шока, ни смущения. В его лице читается лишь насмешка. И холодное безразличное отчуждение.

Его голос отрезвляет. Словно короткий, но очень сильный разряд тока.

Вздрагиваю и, смешавшись, шарахаюсь назад. С силой захлопываю дверь и, отступив еще на пару шагов, шумно выдыхаю.

Надо же... Оказывается, все это время я вовсе не дышала.

Прикладываю трясущиеся пальцы к пылающим щекам. Пытаюсь отыскать утерянное самообладание, но все тщетно. Меня колотит изнутри, как при лихорадке. Бам-бам-бам. Даже равновесие удерживать трудно.

За дверью ванной слышится какое-то копошение и я, вмиг очнувшись, пулей срываюсь обратно в свою комнату. Еще не хватало пересекаться с Алаевым в коридоре! Подобного унижения мое бедное сердце просто не выдержит. Споткнется, остановится – и все. Поминай как звали.

Оказавшись на своей территории, я валюсь на кровать и зарываюсь лицом в подушку. Стыд-то какой! Позор несущу-

светный! Мы со сводным меньше суток живем в одном доме, а я уже умудрилась лицезреть его без одежды! Мокрым!

Перед глазами до сих пор стоят капли воды, дрожащие на смуглой коже Алаева...

Да уж... Невезение – мое второе имя!

Хотя, если задуматься, все могло быть и хуже. Я бы могла застать Тимура в ракурсе спереди, а не со спины. Вот тогда бы было настоящее веселье! Тогда бы я сгорела от стыда прямо на месте. И из пепла бы уже не восстала.

Черт... Как же все-таки нелепо складывается моя жизнь. Я приехала в Москву в надежде исполнить мечты, реализоваться и стать счастливой. Думала, подружусь с маминым мужем и его сыном. В каком-то смысле обрету новую семью.

А на деле что получилось? Отношения со сводным братцем испортились еще до официального знакомства. Ночь, клуб, наши неистовые поцелуи... Зачем все это было? Для чего? Почему на его месте не оказался любой другой парень? Почему именно он?

Я понимаю, что над этими вопросами можно ломать голову вечно, но все равно не могу сосредоточиться на чем-то другом. Меня слишком триггерит, слишком задевает случившееся. То ли потому, что рушатся мои планы, то ли потому, что засранец Алаев стал чуть ли не единственным парнем за долгое время, который вызвал во мне по-настоящему сильный интерес...

По натуре я не влюбчива. Для меня отношения с противо-

положным полом – это, скорее, азартная игра. Мне нравится чувствовать себя желанной, нравится получать комплименты и ловить восхищенные взгляды. Солнцева говорит, что я вертихвостка, и, наверное, в ее словах есть доля правды. Но уж лучше так, чем, как она, который год подряд умирать от безответной любви к лучшему другу. Смотрю на Василиску и поражаюсь: как она до сих пор со всеми этими сердечными муками инфаркт не заработала?

Разумеется, у меня были отношения. И мне даже случилось пару-тройку раз всплакнуть из-за какого-нибудь нерадивого ухажера. Но вот душещипательная драма первой любви, слава богу, обошла меня стороной. Я не страдала от неразделенных чувств, не писала на полях тетради ничье имя да и, чего греха таить, никогда не западала на парня с первого взгляда.

А на Тимура вот запала. И это невероятно злит и пугает. Стремясь избавиться от неудобных мыслей, трясую головой и поднимаюсь с кровати. Терзания терзаниями, но первое сентября никто не отменял. Мне по-прежнему нужно сходить в душ и привести себя в порядок. Не позволю какому-то голому нахалу испортить мне первый день студенческой жизни!

На этот раз я действую осмотрительнее. Озираясь по сторонам, пробираюсь к другой ванной комнате и прежде, чем отворить в дверь, настойчиво стучу. Дважды.

Вряд ли, конечно, Алаев после душа снова решил помыть-

ся, но мало ли... После недавнего казуса лучше перестраховаться.

Убедившись, что в комнате никого, я ныряю внутрь и закрываюсь. На щеколду. Ведь именно так поступают адекватные люди, опасаящиеся ненароком продемонстрировать свои обнаженные тела посторонним.

Надо бы сказать об этом Алаеву. Вдруг он просто не в курсе, что на дверях в его доме есть замки?

Глава 10

Лера

В наше время сахарный диабет – заболевание отнюдь не смертельное. С ним можно жить, работать, путешествовать и, если вздумается, даже рожать детей.

Но некоторые ограничения все же есть. Например, абсолютно везде, куда бы ты ни пошел, надо таскать с собой глюкометр и шприц-ручку с инсулином. Это обязательное условие, если не хочешь словить внезапный обморок в общественном месте.

А еще нужно все время считать углеводы в пище, ведь от этого зависит дозировка инсулина. Сейчас я уже могу довольно точно определить их количество, просто посмотрев на содержимое тарелки. Но вот раньше мне то и дело приходилось пользоваться специальными табличками из Интернета.

Наверное, для неподготовленного человека это звучит жутко, но такова судьба всех диабетиков – работать за свою поджелудочную железу. Ежедневно рассчитывать, сколько инсулина нужно вколоть утром, вечером и на каждый прием пищи. Благо, с математикой у меня никогда проблем не было.

Диагноз мне поставили в конце одиннадцатого класса. На

тот момент я и без всяких анализов понимала, что со мной что-то не так: все время мучила жажда, одолевала усталость, а головные боли не прекращались ни на день. Тогда я ела гораздо больше обычного, но все равно худела. Бабушка даже подозревала меня в нездоровом стремлении к модельным стандартам, мол, я специально пропускаю приемы пищи, дабы сбросить вес. Я твердила, что это неправда, но разумного объяснения своему изможденному виду найти не могла.

Это продолжалось до тех пор, пока со мной не случился обморок и вынужденная госпитализация. Именно в больнице меня и «обрадовали» окончательным диагнозом: сахарный диабет первого типа.

Тут-то меня и маму, примчавшуюся ко мне из Москвы, настиг шок. Мы сидели друг напротив друга с потрясенными лицами и тщетно пытались отыскать хоть какие-то слова. Я поняла, что моя жизнь радикально изменится. В ней будут уколы. Много уколов. Каждый день. Без выходных.

Единственный раз, когда я позволила себе порыдаться и вдоволь пожаловаться на несправедливую судьбу, случился как раз тогда, на больничной койке в отделении эндокринологии. Я лежала под капельницей, туда-сюда ходили молчаливые врачи, а рядом с траурным видом сидела мама.

Я взирала на окружающую меня тоскливую обстановку и чувствовала сосущую безысходность. Оплакивала прежнюю себя, проклиная испытания, выпавшие на мою долю. Мне

было обидно от того, что я, такая молодая и цветущая, ежедневно хожу на уколы в компании девяностолетних бабулек. А еще от того, что на протяжении всей жизни мне придется по несколько раз в день прокалывать пальцы и выдавливать из них кровь, чтобы измерить уровень сахара. Наверняка из-за этого они будут сохнуть и шелушиться. А через несколько лет, наверное, и вовсе потеряют чувствительность.

А потом до меня вдруг дошло, что никогда не стану космонавтом, и разревелась пуще прежнего. Не то чтобы мне прям сильно этого хотелось, но все же иметь такую возможность было приятно. А теперь... Теперь у меня нет ни малейшего шанса полететь к звездам. Моя болезнь украла его.

Однако к вечеру мне надоело убиваться. Я никогда особо не любила жалеть себя, поэтому и в тот день быстро утомилась от этого бесперспективного занятия. Отрицание было позади, гнев истончился, торговаться я даже не пробовала. Депрессия, длившаяся пару дней, наконец сменилась принятием, и меня отпустило.

Я вдруг четко осознала, что жизнь, несмотря на долбаный диабет, продолжается. У меня две руки, две ноги, и, как говорили учителя в школе, светлая голова на плечах. Голова, которой самое время воспользоваться, и прикинуть, как сделать так, чтобы не болезнь контролировала меня, а я – ее.

Сейчас у меня это уже довольно неплохо получается. Не всегда, конечно, но я стараюсь.

– Где ты была? – Диляра, моя новоиспеченная институт-

ская подруга, вопросительно изгибает бровь. – Твой чай давно остыл.

– В туалете, – пожимаю плечами.

Она пока не в курсе особенностей моего здоровья, но, если мы и дальше будем общаться, непременно узнает. Не всегда получается отлучаться в дамскую комнату, чтобы поставить укол. Иногда это приходится делать чуть ли не на ходу. Нет, само собой, я стараюсь лишний раз не травмировать психику окружающих людей, но ситуации бывают разные.

– Ну давай, рассказывай, как прошел тет-а-тет с тем красавцем из клуба? – нетерпеливо интересуется Диляра, когда я опускаюсь на соседний стул. – Ты знала, что он из нашего универа?

После позорного бегства от Алаева я не виделась с подругой. Естественно, она атаковала меня расспросами по телефону и в переписке, но я упорно отмалчивалась. Не очень хотелось рассказывать о своем фиаско. Ведь Тимур, получив отказ от близости, фактически выставил меня вон.

Теперь же и без того неприятная ситуация осложнилась тем, что наглый мажор, о котором я собиралась забыть, оказался моим сводным братом. А по совместительству еще и сокурсником.

Просто феерическая непраха!

– Знала, – с тяжелым вздохом откусываю рогалик.

Мои опасения сбылись, и первый день учебы был изрядно омрачен созерцанием пафосной физиономии Алаева. Будто

мне дома его мало! Но у судьбы довольно извращенное чувство юмора: сегодня у нас со сводным целых две общих лекции.

После утреннего конфуза я всячески стараюсь избегать зрительного контакта с ним, но изредка все равно натываюсь на недобро сощуренный взгляд. Алаев передвигается по институту с видом хозяина жизни и окружен шайкой таких же зажавшихся мажоров, как он.

Без понятия, как Тимур умудрился сколотить компашку в первый же день занятий. Хотя, по большому счету, меня это вообще не должно волновать. Я хочу свести на нет любые мысли об этом засранце. Он элементарно не заслуживает того, чтоб о нем думали!

– У вас что-то было? – Диляру прямо-таки распирает от любопытства. Даже щеки покраснели.

– Сплюнь, – меня аж передергивает. – Не дай бог.

– Тебе он не нравится? – она удивлена. – Почему?

– Потому что из плюсов у этого павиана только внешность. На этом его достоинства заканчиваются, – зло выплевываю я. – И вообще, таким, как он, надо выдавать таблички с надписью «мудак». Чтобы девушки, безразличные к фаст-сексу, попусту не тратили свое время.

– Вот это тебя бомбит, – хмыкает Диляра, а затем насмешливо добавляет. – А, может, он просто тебе не перезвонил? Вот ты и злишься.

– Ему нет нужды мне звонить, – сообщаю кисло. – Мы

живем в одном доме.

– ЧТО?!

Лицо подруги надо видеть – гамма эмоций на нем непередаваема. Глаза выпучены от шока и вот-вот вывалятся из орбит. Рот распахнут в жадном нетерпении. А ноздри бурно трепещут от учатившегося дыхания.

– Засранца зовут Тимур Алаев, – вздыхаю. – Ничего не напоминает?

– Алаев? – Диляра хмурится. – Так это же вроде фамилия нового мужа твоей мамы... О нет! – внезапное озарение заставляет ее подпрыгнуть на стуле. – Он что, и есть твой сводный брат?

– Представляешь? – мрачно киваю. – Наверное, такого эпик фейла история еще не видывала.

– Пипе-е-ец, – тянет пораженно. – Так вы с ним в итоге спали? Или нет?

– Сказала же, нет! – повторяю оскорбленно. – Только целовались!

– И как?

– Что как?

– Ну как он целуется?

– Боже! Диляра! Это единственное, что тебя в данной ситуации волнует?!

Злит, что подруга не проникается моей трагедией. Ведь мне черт знает сколько времени предстоит жить в одном доме с человеком, который меня унизил! А ее только трекля-

тые поцелуи заботят...

– Просто интересно... – оправдывается она, слегка пристыженная моим гневом.

– Фигово он целуется, – ядовито бросаю я, отпивая холодный чай. – На троечку.

Вообще-то это неправда, но уязвленное самолюбие требует отмщения. Понимаю, говорить гадости за глаза – так себе месть, но все же от этого мне самую малость становится легче.

– Да? – с сомнением выдает Диляра. – А с виду такой красавчик...

Нет, все-таки она меня раздражает. Может, нам не стоит так уж тесно общаться?

– При чем тут внешний вид?! – негодую я. – Это вообще ни на что не влияет!

– Ну прости-прости, – подруга наконец дает заднюю. – Я уже поняла, что ты этого Алаева на дух не переносишь.

– Вот именно! – продолжаю возмущенную тираду. – Он взбесил меня еще тогда, в клубе. Потом я узнала, что нам предстоит жить под одной крышей. Ну а вишенкой на торте безумия стала новость о том, что он учится в этом ВУЗе! – легонько ударяю ладонью об столешницу. – Как мне все это вытерпеть, а, Диль?

– Просто не обращай на него внимания, – советует, помолчав. – Живи так, будто его не существует.

– Легко сказать. А на деле? – фыркаю я. – Сегодня, напри-

мер, я случайно вломила к нему в ванную.

– Он был голый? – шея подружки вновь вытягивается.

– Да, – признаюсь нехотя.

От одних только воспоминания об обнаженных ягодичах Алаева к лицу приливает предательский жар.

– Ого! – Диляра задыхается от переизбытка эмоций.

– Если ты сейчас спросишь «и как?», я тебя ударю, – предостерегаю на всякий случай.

Лицо девушки обиженно кривится, и я добавляю:

– Расслабься, Диль, он стоял спиной.

– Блин, вот это жарилка у вас! – она посмеивается. – Но мой совет все равно остается прежним: игнорь его. Безразличие – это лучшее оружие.

Отламываю кусочек сахарного теста и, положив его в рот, задумываюсь. Наверное, Диляра права. Единственно возможный способ взаимодействия с Тимуром – тотальное игнорирование его царской персоны. Я видела, как студентки провожают его восхищенными взглядами, а друзья заглядывают в рот. Я же выберу совсем иную тактику: притворюсь, что этого самовлюбленного типа не существует. Уверена, это будет несложно, ведь он, как и я, вовсе не горит желанием налаживать родственные отношения.

Главное – не реагировать на его колкости и всегда (всегда!) стучать в дверь ванной перед тем, как ее открыть.

Глава 11

Тимур

– Я так скучала, – выдыхает Вероника мне в ухо, а затем с укором толкает меня кулачком в грудь. – А вот ты, Алаев, тот еще негодяй! Все лето не звонил!

В девчонке перемешиваются противоборствующие чувства. Ее губы жаждут поцелуев, а уязвленная женская гордость требует скандала. Первое мне гораздо выгоднее, чем второе, поэтому я спешу ввалиться в ее рот своим языком. Меньше разговоров – больше дела.

Вероника приятно пахнет ванилью, а ее тонкая талия призывно изгибается под моими руками. Мне нравится, какая она: чуткая, трепетная, откликающаяся по первому зову. Разлука, определенно, пошла нам на пользу.

– Мне кажется, ты чуток подросла за лето? – выдаю насмешливо, хлопая ее по заднице.

Ланская – полторашка. Ее рост едва дотягивает до ста шестидесяти. При моих ста девяноста двух это не очень удобно.

– На мне шпильки, дурачок, – улыбается она, демонстрирую острые каблуки своих туфель, которыми при желании можно проткнуть человека насквозь.

– Специально для меня надела?

– Еще чего! – фыркает. – Ты слишком много о себе

мнишь, Алаев!

– Я много о себе мню, или ты много обо мне думаешь? – издевки над Ланской еще со школьных времен доставляют мне удовольствие.

Вероника – вроде как моя бывшая. Все старшие классы мы то встречались, то расходились, то снова становились парой. В общем, драма по классике. Любовь-ненависть. Ненависть-любовь.

В конце одиннадцатого мы разругались, как нам тогда казалось, окончательно. Во время экзаменов даже не разговаривали. Правда потом, на выпускном, страстно-бурно помирились, но это никак не повлияло на мои планы. Я не хотел продолжать наши отношения. Собственно, поэтому и не звонил.

Однако сейчас, когда вдруг внезапно выяснилось, что Вероника поступила в тот же университет, что и я, мой интерес зажегся вновь. За эти месяцы она похорошела: загорела и как будто даже подкачала попец. Так почему бы не поразвлечься с ней еще пару-тройку раз?

– Заткнись, – она шутливо бьет меня в плечо. – Я о тебе вообще не думаю!

– Врешь, – снова притягиваю ее к себе и целую.

Перед глазами до сих пор стоят Вероникины слезливые сообщения, которые она строчила мне весь июль. Там просьбы вернуться чередовались с проклятиями. Но об этом сейчас лучше не упоминать. А то она опять распахнется.

– Тим! – раздается за спиной.

Нехотя отстраняюсь от Ланской и оборачиваюсь: на встречу нам движется Ранель. Собранный, серьезный, с мрачным выражением лица – он всегда выглядит так, словно направляется на уличную стрелку. А татухи, рассыпанные по телу, и вовсе передают ему сходства с главарем какой-нибудь неформальной группировки.

Вот порой смотрю на Измайлова и недоумеваю, как меня угораздило сдружиться с таким фриком?

– Здорово, – когда Ран приближается, я жму ему руку. – Где шарахаешься? Первые дни учебы пропустил.

– Занят был, – отвечает коротко.

Когда речь заходит о его делах, Измайлов на удивление скуп на подробности. А я не из тех, кто насильно лезет друзьям в душу. Мы общаемся уже второй год, а я до сих пор лишь примерно представляю, где и на что он живет. Ран – темная лошадка, но меня это мало беспокоит. Его тайны – не мои проблемы.

– Только не говори, что ты тоже тут учишься, – Вероника брезгливо морщит носик.

Измайлов ей никогда не нравился. В основном потому, что в его компании я часто забывал о границах разумного и творил всякую дичь. Нику это, само собой, бесило. Она всегда мечтала встречаться с хорошим мальчиком, но раз за разом ошибалась дверью и приходила ко мне.

– Нет, я просто за Алаевым зашел, – Ран с издевкой ска-

лится. – Щас как возьму его, как пойдем по бабам...

– Какой же ты придурок! – Вероника закатывает глаза и, обращаясь ко мне, добавляет. – Я думала, это приличное учебное заведение. Почему сюда всякий сброд берут?

– Осторожней, детка, – треплю ее по надутой щеке. – Не хами.

– Сброд? – Измайлову явно весело. – И это говорит девчонка, которая поступила на сраный Эконом за лям рублей в год.

– Что ты имеешь в виду? – Вероника хохлится.

– Милая, не надо быть экономистом, чтобы понять, что папины деньги, вложенные в твое образование, никогда не окупятся. Вряд ли ты хоть день проработаешь по специальности. Максимум твоих амбиций – это встретить богатенького девственника, открыть ему мир оргазмов, а затем быстренько, пока он не смекнул, что кайф можно найти не только между твоих ног, женить его на себе.

Наверное, вы уже догадались, что Ран тоже не жалует Ланскую. В основном потому, что, в отличие от меня, она всегда подчеркивает разницу их социальных статусов. Ну еще бы! Вероника – дочь замминистра строительства, а Измайлов – шпана без роду и племени. По крайней мере, именно так она к нему относится.

– Кто ты такой, чтобы рассуждать о моих амбициях?! – Вероника стремительно краснеет. Ее ноздри становятся шире, а брови смыкаются на переносице. – И вообще, Измай-

лов, завидуй молча!

– Я предпочитаю завидовать вслух, – Ран невозмутим. – Так честнее.

– Тим, – Ника переводит возмущенный взгляд, очевидно, ожидая, что я вступлюсь за нее. Но мне, если честно, нечего возразить.

Измайлов прав: Ланская не будет работать ни дня в своей жизни. Как и ее сестры. Как и ее мать. Высшее образование – это лишь формальность, которую нужно соблюсти для галочки. Странно, что она сама этого не понимает.

Когда придет время, Вероника выйдет замуж за обеспеченного и наделенного властью человека. Поселится во дворце, нарожает детей и станет стареть, замедляя естественные процессы уколами красоты. Она научится закрывать глаза на измены мужа и держать хорошую мину при плохой игре. Она будет блистать на официальных приемах, играя роль счастливой жены, а по вечерам налегать на сухое красное стоимостью триста евро за бутылку и тосковать по мечтам, которые так и не сбылись.

Я знаю, как это бывает. Видел своими глазами.

Только кажется, что деньги делают людей счастливыми, а по факту – ни хрена.

– Заканчивайте собачиться, – устало вздыхаю я. – Веро, увидимся позже, – сухо чмокаю ее в висок. – Ран, погнажи.

Ланская всем своим видом демонстрирует недовольство, но я делаю вид, что не замечаю. На кой черт мне нянчиться

с ее комплексами? Она больше не моя девушка.

Мы с другом устремляемся вдоль по коридору, и он, заговорщически понизив голос, говорит:

– В полночь на Воробьевых. Ты в теме?

– Кто организатор? – уточняю я.

– Спидмены, – отвечает негромко. – Грандиозный движ намечается. Артюха решил раскошелиться.

– Ставки будут?

– Как обычно. Неофициальные.

– Окей, я приеду, – киваю. – Ты сам на колесах?

– Не сегодня, – отрицательно качает головой. – Есть у меня одно дельце.

По обыкновению не спрашиваю, какие именно дела помещают ему поучаствовать в сегодняшней гонке. Догадываться, конечно, догадываюсь, но свои домыслы оставляю при себе. Меньше знаешь – крепче спишь, как говорится.

Глава 12

Тимур

Заходим в аудиторию одними из последних и располагаемся на галерке. Препоод по дифференциальной геометрии, стоящий у кафедры, активно жестикулирует, рассыпаясь в пылких приветственных речах перед потоком первокурсников. Слушать тирады о важности знаний и дисциплины порядком поднадоело. Хочется уже быстрее перейти непосредственно к математике.

– Ого, кого я вижу! – шипит Ранель, наклонившись в мою сторону. – Третий ряд, у прохода справа. Узнаешь куколку?

Скашиваю глаза и тут же натыкаюсь на белобрысую макушку с дурацкой заколкой в виде банта, от одного вида которой сводит зубы. Лера, мать ее, холера. До сих пор не привыкну, что мы учимся на одном потоке.

– Не напоминай, – морщусь брезгливо.

– А что такое? – глумится Ран. – Обиделся из-за того, что не дала?

Если бы он знал. Эх, если бы он только знал истинную причину моей неприязни к Грановской, то точно бы не веселился. Потому что это ни черта не весело. Скорее – трагично.

– Ситуация в клубе – полбеда, – выдаю мрачно. – Как

выяснилось, она и есть тот прицеп, который папина гадюка притащила в наш дом.

Недоверчивый взгляд Измайлова фокусируется на мне. Друг явно не догоняет, шучу я или говорю всерьез.

– Чего уставился? – усмехаюсь. – Да-да, моя сводная сестрица-тупица собственной персоной.

– Гонишь, – тянет с сомнением.

Я закатываю глаза, и он наконец понимает, что это ни хрена не стеб.

– Ема-а, – друг закусывает кулак, а его тело сотрясается в беззвучном хохоте. – А как так вышло-то? Ну, что она еще и в нашем универе учится?

– А ты догадайся. Очевидно, мой папашка в попытке выслужиться перед своей кралей пристроил ее дочурку в престижный ВУЗ. На что только ни пойдешь ради большой любви, мать ее за ногу, – отвечаю с досадой.

– Это все понятно, но... Мехмат? – в лице друга читается недоумение. – Она что, камикадзе?

Да уж. Меня самого до сих пор мучает этот вопрос. Зачем пихать пустоголовую блондинку на одну из самых сложных специальностей в университете? Теория чисел, дискретная математика, механика сплошных сред – да она же после первого семестра взвоят! Ведь можно же было определить Грановскую на какой-нибудь туризм или на экономфак, как сделали родители Ланской. Смысл от этого бы не поменялся, а учиться было бы легче.

Хотя... Возможно, сестрица вообще не планирует учиться? Может себе позволить. Денег-то у моего отца куры не клюют.

— Черт знает, — пожимаю плечами. — История с ее поступлением какая-то мутная...

— М-да, — Ран почесывает подбородок, а затем насмешливо добавляет. — Зато теперь у тебя снова есть шанс трахнуть эту малышку.

— Ты укурился, что ли? Нафиг она мне упала! Дура отбита.

— А че сразу дура-то? — никак не угомонится этот олень. — Добрее надо быть, Алаев, добрее.

— Доброта хуже воровства, — ворчу я, распахивая тетрадь и хватаясь за ручку.

Препод наконец соизволил перейти к теме лекции.

— Нет, а серьезно? Чего ты на нее так взъелся? — полушепотом продолжает Измайлов. — Я бы за такую сводную сестренку душу дьяволу продал.

— У тебя нет души, — напоминаю. — Так что продавать было бы нечего.

— Это уже детали, — отмахивается Ран. — Суть в том, что на твоём месте я бы воспользовался ситуацией в своих целях. Она ведь зацепила тебя в клубе? Да не отнекивайся, Тим, зацепила, — заметив мой недовольный взгляд, он быстро пресекает возможные возражения. — И ваше внезапно выявившееся «родство», — изображает в воздухе кавычки, — не сле-

лало ее менее сексапильной. Ну, признай, Тим?

Набираю воздух в легкие и шумно выпускаю его через нос. Я понимаю, о чем толкует Ран. Он смотрит на ситуацию с точки зрения возможностей. Раньше и я рассуждал точно так же. Однако в случае с Грановской все как-то иначе...

Не знаю точно, в чем причина, но у меня не получается абстрагироваться от эмоций и воспринимать Леру просто как красивое тело. Она адски, прямо до белых кругов перед глазами меня бесит. Так сильно, что, если бы не уголовный кодекс, я бы с удовольствием сомкнул пальцы на ее тонкой белой шее. До хруста, до кровавых синяков на нежной коже.

Возможно, глупо ненавидеть человека, которого знаешь чуть больше недели, но почему-то именно это я и испытываю. Ненавижу Грановскую. Она видится мне олицетворением, всего, что когда-то разрушило мой покой: отцовского предательства, женского коварства и хищной корысти.

Знаете, иногда мне кажется, что именно батя своими нескончаемыми изменами подкосил здоровье матери. Что он доконал ее. Что именно из-за него за считанные месяцы она превратилась в бледную тень некогда цветущей женщины.

Отец не любил маму и искал эмоций на стороне. А потом встретил гадюку Елизавету и, по его словам, обрел счастье. Мне мерзко осознавать, что рядом с этой смазливой фурией отец светится, словно долбаная рождественская елка.

Так, как никогда не светился рядом с мамой.

А Лера... Лера стала последним гвоздем в гробу моего

душевного равновесия. Поначалу я не знал, что Елизаветы есть дети, и смириться с ее появлением в жизни отца было как-то проще. Ну подумаешь, какая-то ушлая баба. Ну подумаешь, трахает он ее. Я мальчик большой, меня подобным не удивишь.

Но потом началась настоящая жесь: громкие и максимально нелепые заявления о любви, скоропалительная свадьба и, как итог, переезд двух пронырливых куриц в дом, где еще совсем недавно жила моя мама.

Единственный человек в этом бездушном, насквозь прогнившем мире, которым я по-настоящему дорожил.

И если к присутствию Елизаветы я более-менее привык, то ее зараза-дочь до сих пор костью стоит поперек глотки. Наблюдать за тем, как отец сюсюкается с этой тупоголовой нахлебницей, откровенно тошно. Лера – умница, Лера – красавица, Лера такая примерная девочка... Тьфу, блин. Как вспомню, так передергивает.

У старика словно случился внезапный приступ отцовской заботы. Только вот забота эта направлена отнюдь не на меня. Не на родного сына, а на какую-то левую девку, которую он знает без году неделю. Это вообще нормально?

Нет, серьезно, за все восемнадцать лет жизни я не могу припомнить ни одного случая, чтобы отец разговаривал со мной так же, как с ней: мягко, участливо, на равных. Я даже не подозревал, что он так умеет! Но стоило Лере-мегере появиться на пороге нашего дома, как батя отчебучил пере-

воплощение века: из бесчувственного деспота превратился в любящего папочку. Всего за несколько недель!

Магия, ей-богу.

Я, конечно, допускаю, что он просто повелся на ее огромные невинные глаза олененка Бемби, но... Черт возьми! Это же так несправедливо! С чего он взял, что ей его поддержка нужнее, чем мне? Почему решил, что она лучше?

Я знаю, что с точки зрения родителя не являю собой идеал ребенка, но все же и конченным ушлепком меня не назовешь. Учился всегда нормально, на наркоту и алкоголь не налегал, в ВУЗ сам поступил. Не так уж и паршиво, согласитесь? Или здесь работает какая-то другая формула? Типа ребенок любимой женщины априори хороший, а нелюбимой... Ну, вы сами понимаете.

Он ведь и в дом меня обратно затащил только потому, что хотел своим ненаглядным гарпиям угодить. Мол, смотрите, девочки, вот мой сын, и он тоже в восторге от ваших милых мордашек. Сейчас мы заживем одной большой дружной семьей и будем безгранично счастливы.

Приторно до дрожи. Того и гляди, жопо слипнется.

Интересно, отцу самому от этого паршивого спектакля не противно? Или он думает, я настолько имбецил, что не способен отличить реальность от постановки?

– Меня от Грановской воротит, – чеканю твердо, чтобы Ран наконец понял. – На физическом уровне ее не переношу.

Пару секунд друг сверлит меня задумчивым взглядом, а за-

тем кивает. Кажется, до него наконец доходит, что эта придурочная лупоглазка невероятно меня злит.

– Ну раз такой расклад, может, поиграем с девочкой? Помучаем ее немного? – во взгляде Измайлова загорается недоброе пламя. – Обидно, когда такая красивая игрушка пропадает.

– Продолжай.

Не хочется признаваться, но его идея мне нравится. Я бы с радостью посмотрел, как огромные глаза Леры наполняются слезами. Наверняка это потрясающе красивое зрелище.

– Ничего такого, просто невинная шалость, – он откидывается на спинку скамьи и хищно ухмыляется. – Но, думаю, будет весело.

Глава 13

Лера

Странно это осознавать, но мы с мамой теперь вроде как богаты. Ведь родительница – официальная жена Анвара Эльдаровича, а он – самый что ни на есть олигарх. Но я, если честно, до сих пор никак не привыкну к подобному раскладу дел.

Всю сознательную жизнь я провела в относительной скромности. Ну то есть как? Деньги у нас всегда были: и на вкусняшки, и на красивые шмотки из масс-маркета, и на поездки раз в год в Турцию. Мама зарабатывала нормально. Мы жили не хуже, чем другие. Небогато, конечно. Но и нужды не знали.

Однако с того дня, как родительница вышла замуж, все изменилось. Пока она жила в Москве, а я заканчивала школу в родном городе, это ощущалось не так остро. Да, мама стала присылать нам с бабушкой гораздо больше денег на карту, но мы особо не стремились их тратить. Я была с головой погружена в подготовку к ЕГЭ, а бабуля, выросшая в Советском союзе, и вовсе не понимала, на что и куда можно спустить такую огромную кучу денег.

Истинное понимание того, что наше финансовое состояние в разы улучшилось, пришло с моим переездом в столи-

цу. Как только я очутилась в доме Алаевых, чуть челюсть на пол не уронила. Такой роскоши я никогда не видела! Ну, по крайней мере, живу. Гигантский особняк, окруженный внушительным забором, по-настоящему поразил мое воображение.

Говоря по правде, меня до сих пор удивляет, что на нашем придомовом участке есть озеро. Озеро, представляете? И это я еще молчу про бассейн, многочисленные беседки, гаражи, домик прислуги, огромный автопарк и прочие маркеры баснословного богатства.

Сразу после того, как я поселилась в этом современном дворце, Анвар Эльдарович выдал мне пластиковую карту со словами «на личные расходы». Но у меня так и не поднялась рука ею воспользоваться. Нет, понятно, если мне дать волю, я могу без всяких проблем оставить кругленькую сумму в бутиках дизайнерской одежды. Ведь я обожаю наряжаться!

Но трудность в том, что, сколько бы мама не говорила, мол, мы одна семья и у нас теперь все общее, я не могу считать эти деньги своими. Не покидает ощущение, что я не имею на них права. И вообще, мне как-то дико, что чужой, в сущности, мужчина вдруг стал обеспечивать не только маму, но и меня. Может быть, это вопрос времени, и вскоре я привыкну... А может, так и не научусь пользоваться новыми возможностями должным образом.

– Лер, будешь завтракать? – интересуется мама, едва я показываюсь в дверях столовой.

По настоянию нового мужа, она теперь работает в разы меньше. Поэтому даже по утрам радуется нас кулинарными изысками.

– Конечно, – улыбаюсь, приближаясь к столу. – Что у нас сегодня?

– Тосты с авокадо и шакшука, – мурлычет она, украшая яичницу зеленью, а потом, понизив голос, спрашивает. – Укол сделала?

Мама уважает мое право на приватность. Я попросила ее пока не говорить нашим новым родственникам о моей болезни, и она вроде как соблюдает договоренность. Хотя я больше, чем уверена, что Анвару Эльдаровичу она все уже сообщила. Разумеется, по большому секрету. Но я в принципе не против. Главное, чтобы о диабете не узнал мой расчудесный сводный братец, который ходит по дому с таким лицом, будто его вот-вот вырвет. К Анвару Эльдаровичу я отношусь нормально, а вот его отпрыску не доверяю. Именно поэтому не хочу, чтоб он знал о нюансах моего здоровья. Не желаю быть уязвимой в его глазах.

– Как раз сейчас собиралась, – отвечаю негромко и тут же устремляюсь в туалет. Тот, что на первом этаже.

Когда я возвращаюсь, все наше «дружное» семейство сидит за столом. Анвар Эльдарович неторопливо жует, параллельно листая новости в планшете, мама изящно орудует вилкой, а Алаев младший, как всегда, демонстративно игнорирует стоящую перед ним тарелку, ограничиваясь лишь

чашкой черного кофе, который сварил себе сам. Так же демонстративно.

Я так понимаю, что присутствовать на коллективных завтраках, обедах и ужинах Тимура обязал отец. Однако заставить своего сына поглощать приготовленную моей мамой еду Анвар Эльдарович, видимо, не в силах.

Родительница изо всех сил старается не замечать пренебрежительного отношения парня, делая вид, что все хорошо. Но лично меня поведение этого выпендрейника корбит. Ведь дело тут вовсе не пище – мама готовит очень-очень вкусно! Тимур специально сидит с кислой миной, чтобы задеть ее. А заодно, очевидно, и меня.

– Голодовка продолжается? – иронично бросаю я, опускаясь на стул.

Обычно я, подражая маме, игнорирую засранца, но сегодня вот почему-то не сдержалась.

– С чего ты взяла, что я голодаю? – высекает с презрением.

Я не знаю, как у Алаева это получается, но любая его реплика звучит будто оскорбление. Даже самая, на первый взгляд, безобидная.

– С того, что ты ничего не ешь, – отвечаю просто.

А затем кладу в рот кусочек поджаристой яичницы и с особым вкусом ее пережевываю. М-м-м, пальчики оближешь.

– Я ем, – бросает безразлично. – Но только еду, которая мне нравится.

Ну вот опять. Вроде прямым текстом не обидел, но в душу поднасрал. И маме, и мне, и, уверена, даже Анвару Эльдаровичу.

Какой все-таки мерзкий сноб! И как я могла запасть на него в клубе?

Дура ты, Лера, дура!

– Ясно, – киваю якобы понимающе. – О вкусах не спорят. Я слышала, что в Африке люди часто употребляют в пищу коровью кровь, а в Китае едят столетние яйца. А что предпочитаешь есть ты? Ядовитых тарантулов?

– Лера, хватит! – просит мама, недовольно поджимая губы.

Тимуру моя ирония тоже не по вкусу. Его взгляд пропитан холодной ненавистью и ощущается на коже неприятным, почти электрическим покалыванием.

В эту секунду Алаев напоминает добермана, который с непоколебимой решительностью может откусить голову. Но при этом обезоруживающе красив.

Черт! Если бы не потрясающие внешние данные, возненавидеть этого парня было бы гораздо проще. А так... Все время приходится напоминать своему поплывшему мозгу, что он мне не друг. И другом никогда не будет. Худшее, что нам светит, – это открытая война. Лучшее – отстраненность и безразличие.

Как ни странно, Алаеву хватает ума оставить мою дерзкую реплику без ответа, и я мысленно засчитываю ему очко.

Ведь в данной ситуации сводному удалось повести себя повзрослому, несмотря на мои провокационные выпады.

Надо быть умнее, Лера! И сдержаннее. Любая необдуманная выходка – козырь в рукаве Алаева.

Остаток завтрака протекает в тишине. Лишь блюда да ложки жалобно позвякивают. Ощущение дискомфорта витает над столом.

Неприятную атмосферу разряжает внезапная трель телефона. Анвар Эльдарович прикладывает к уху трубку и властным голосом гаркает:

– Да, Борис.

Несколько секунд он сосредоточенно слушает своего собеседника, а потом коротко кивает:

– Понял тебя. Не торопись.

А затем сбрасывает вызов.

– Лера, – взгляд мужчины обращается ко мне, – Борис попал в небольшое ДТП и не сможет отвезти тебя в институт.

Да-да, вы не ослышались, на учебу меня возит личный водитель. На шикарном глянцевом Порше. Я до сих пор в шоке. Даже не верится, что это все происходит наяву.

– Ничего страшного, – тут же отзываюсь я. – Доеду на автобусе, – однако через секунду вспоминаю, что мы живем в коттеджном поселке и до ближайшей остановки общественного транспорта пилить не меньше получаса. – Ну, или на такси.

– Глупости, – отмахивается Анвар Эльдарович. – Сегодня

Тимур тебя подвезет. Вы же в одном корпусе учитесь.

Первая эмоция – сопротивление. Ну уж нет! В машину к этому хаму я не сяду! Да он же меня где-нибудь на полпути выкинет!

Мой рот застывает в приоткрытом состоянии, но слова протеста никак не решаются сорваться с языка. Я не хочу перечесть Анвару Эльдаровичу. Пусть лучше это сделает его сынок. Он ведь наверняка тоже не в восторге от идеи совместной поездки!

Осторожно скашиваю глаза на Алаева младшего, цепляя взглядом лишь краешек его лица. Будто боюсь, что при прямом зрительном контакте парень превратит меня в камень.

– Чем плох вариант с такси? – холодно интересуется он.

Как я и думала, на его физиономии цветет «горите-вы-все-в-аду» выражение.

– А то ты не знаешь этих таксистов, – ворчит Анвар Эльдарович, вставая из-за стола. – Заплутают, заблудятся, не к тем воротам подъедут... Тебе ведь не сложно подвезти Леру, правда? – последнюю фразу он произносит с едва различимым нажимом и при этом одаривает Тимура многозначительным взглядом. Мрачным и тяжелым, словно двухпудовая гиря.

– Разумеется, – цедит парень с плохо скрываемой неприязнью.

Ему определенно требуется много усилий, чтобы выдавить из себя эту фразу. Я почти слышу, как скрипят его плот-

но сжатые зубы.

– Значит, решено, – Анвар Эльдарович, судя по всему, доволен. Неужели до сих пор не теряет надежды, что мы с его капризным чадом найдем общий язык? – Лиз, спасибо, я пошел. Постараюсь успеть к ужину.

Он наклоняется к маме и запечатлает на ее щеке короткий чмок.

– Пока, дорогой. До вечера, – с улыбкой произносит родительница.

Вот она – семейная идиллия.

Тимур, не проронив ни слова, резко отодвигает стул позади себя и встает из-за стола. На ходу подхватывает ветровку, лежащую на диване, и устремляется в коридор.

Благодарю маму за завтрак и, тяжело вздохнув, плетусь за сводным.

Чует мое сердце, нас с ним сейчас ожидает тотальная антиидиллия.

Глава 14

Тимур

Я до последнего надеюсь, что Лера-холера образумится и даст заднюю. Но нет, эта зараза хвостиком тащится за мной. Походу, всерьез решила прокатиться до универа.

Что ж, раз так, то поедем с ветерком.

Плюхаясь на водительское сиденье и, выгнав Ламбо из гаража, притормаживаю рядом с Грановской, которая со слегка взволнованным видом стоит у ворот. Дернув ручку, она комично шарахается, когда дверь вопреки обыкновению открывается не в сторону, а ползет вверх. Очевидно, девчонка никогда не имела дела со спортивными тачками.

Немного неуклюже она садится внутрь и, шумно сглотнув, сдувает с лица выпавшую из дурацкого хвостика прядь волос.

– Ну что, поехали? – Лера храбрится, но ее голос все равно подрагивает.

Видно, что ей здесь неуютно. И я в свою очередь постараюсь сделать все, чтобы это чувство во время поездки лишь нарастало.

Дождавшись, пока автоматические ворота раздвинутся на нужную ширину, резко даю по газам, и так же резко сбрасываю скорость на ближайшем повороте. Грановская, не

успевшая пристегнуть ремень безопасности, дергается вперед, чуть не пропахав носом переднюю панель.

– Ай! – взвизгивает она, поворачивая ко мне возмущенное лицо. – Можно осторожней?! Или ты в первую же поездку решил меня угробить?!

– А при чем тут я? – усмехаюсь. – Это ты пренебрегаешь правилами безопасности. Если не знала, пристегиваться нужно.

Злобно сверкнув огромными глазищами, Лера тянется за ремнем, а я вновь набираю скорость. На этот раз чуть плавнее.

Пока мы на территории коттеджного поселка, особо не погоняешь: дорога слишком витиевата, да и дети из-за угла в любой момент могут выскочить. Но стоит нам выехать на шоссе, как я вновь выжимаю педаль газа в пол.

Мне нравится, как урчит мой зверь, набирая скорость. Утробно, агрессивно, с вызовом. Нравится ощущение свободы, накрывающее каждый раз, когда удастся выйти за пределы скучной сотни. Ламбо не просто едет по асфальту, она скользит по нему. Словно кусок мокрого мыла по стеклу.

Лавирую в редком потоке машин, постепенно наращивая скорость. Бросаю короткий взгляд на сводную сестрицу и замечаю, что она изрядно напугана. Тонкие пальцы с розовым маникюром сжимают сумочку, лежащую на коленях, до побелевших кончиков. А голубые глаза кажутся какими-то остекленевшими.

Ну давай, малышка. Запиши о том, как тебе страшно.

Однако Лера-холера молчит. Не издает ни звука. Вцепившись в сумку, смотрит на дорогу и, судя по замершей грудной клетке, почти не дышит.

Взор невольно задерживается на ее ярких, почти красных губах, и в голову не кстати лезут воспоминания о нашем поцелуе. Тогда она казалась совсем другой: мягкой, обаятельной, вкусной...

Да, трахать Лерин рот было сладко и как-то аномально возбуждающе. Ну, то есть и я раньше мог завестись от поцелуев, но с ней вышло как-то по-другому. Сильнее. Мощнее. Ярче. Будто нервы оголись и по ним прокатилась волна испепеляющего жара. Эмоции били наотмашь. Как от травы штырило.

Не знаю, возможно, в тот момент мы с Грановской действительно совпали. На каком-то низменном, биологическом уровне. Случилось животное влечение. Химия, если хотите.

Но сейчас это уже не имеет значения. Потому что Лера и ее мамаша превратили мою некогда размеренную жизнь в ад. Видеть, как эти провинциальные клуши хозяйничают в доме, как переставляют купленную матерью мебель и губят посаженные ей цветы, – та еще пытка.

Интересно, было бы мое отношение Лере более терпимым, если бы мы с ней тогда переспали? Мне почему-то думается, что да. Если бы в ночь нашего знакомства она не

взбрыкнула, я бы простил ей очень многое.

Выезжаю на максимально ровный участок дороги и снова разгоняюсь. Пара-тройка штрафов мне обеспечена, но сейчас это не колышет. Следующий поворот неизбежно вопрект нас в городскую утреннюю пробку, поэтому перед этим нужно как следует повеселиться.

– А что так медленно? – шелестит Грановская, хотя на самой лица нет от страха. – Мы так на пары опоздаем.

Вот же сучка упертая! Еще и подначивает.

– Поддать газку? – спрашиваю иронично.

Какого-то лешего опять пялюсь на ее губы. Алые, воспаленные. Зачем она их все время кусает? От нервов?

– Если можно, – сидит вся бледная, как простыня, но при этом хорохорится.

Перестраиваюсь на свободную полосу и вновь жму педаль. Адреналин приятно щекочет внутренности, а шум крови стучит в висках. Обычно я так разгоняюсь только на гонках.

Лера цепляется за дверную ручку и жмурится, как ребенок при виде ужастика. Но при этом упорно продолжает молчать, будто происходящее – норма. Не визжит, не причитает, не просит притормозить.

Хм, надо же. Впервые вижу человека даже более упрямого, чем я.

Метров за двадцать до поворота нехотя сбрасываю скорость. Девчонку снова ведет вперед, но на этот раз ремень

безопасности делает свое дело. Выворачиваю руль, и взору открывается классический московский затор. Простоим тут минут двадцать, не меньше.

– Тимур, мне все не дает покоя один вопрос, – хрипло произносит Лера, когда на горизонте наконец показывается остроконечная крыша универа.

Несколько мгновений раздумываю, стоит ли поддерживать разговор, но в итоге все же спрашиваю:

– Какой?

– За что ты меня так ненавидишь? – она поворачивается ко мне, и взгляд ее голубых влажных глаз обезоруживает невинностью. – Я ведь ничего плохого тебе не сделала...

Не ожидал такого прямого вопрос в лоб, поэтому слегка теряюсь. Но лишь на секунду.

– Это трудно объяснить, – выныриваю из вязкого омута ее взгляда и, чуть крепче обхватив руль, фокусируюсь на дороге.

Мне не нравится, как эта девчонка на меня влияет. Когда она разговаривает со мной вот так, печальным полусшепотом и слегка растягивая слова, мои мысли делаются очень медленными. А пульс, наоборот, подозрительно учащается.

Ведьма! Перекреститься, что ли?

– Мне кажется, если бы мы захотели, то могли бы, – Грановская всем телом подается в мою сторону, – ну знаешь...
Наладить отношения.

Теперь она так близко, что сладковатый запах ее духов ще-

кочет ноздри. Он необычный – какие-то колючие белые цветы в терпком цитрусовом сиропе.

Непривычное дурманящее сочетание.

– Наладить отношения? – переспрашиваю сипло, потому что в горле как-то резко пересыхает.

Я все еще пялюсь на желтый бампер ползущего впереди Опеля, но где-то на уровне шестого чувства знаю, что Лера буравит меня внимательным взглядом. В упор. Смотрит пристально и неотрывно.

Что она задумала?

– Ну да, – ее маленькие пальцы пробегаются по моему плечу, обтянутому футболкой. Я даже через ткань чувствую обжигающее тепло ее кожи. – Мы могли бы стать ближе, понимаешь?

Не выдержав, все же поворачиваю голову и сразу же попадаю во власть ее гипнотического обаяния – девчонка отпустила флюиды с поводка. Хороша чертовка. Не так, чтобы раз глянуть и поплыть, нет. Но все же при отсутствии самоконтроля и многократных дозах легко можно увязнуть.

Взгляд трепетной лани, кукольное лицо в обрамлении пшеничных волос, вздымающаяся грудь, едва-едва касающаяся моего плеча – это все элементы одной большой ловушки. Ловушки, в которую меня, вопреки логике, так и тянет угодить.

Грановская томно облизывает губы. В голову лезет кадр из какой-то порнухи.

Пах наливается тяжестью. Остро. Почти болезненно.

Инстинкт охотника добивает инстинкт самосохранения, и я, плюнув на осторожность, тянусь к ее рту. Чтобы наказать, проучить, подчинить...

БА-БАХ!

Сантиметры дыхания обрываются, так и не перемешавшись.

Тупо моргнув, припечатываю взгляд к дороге. Моя тачка все-таки поцеловала зад несчастного желтого Опеля.

– Сука! – ударяю по рулю основанием ладони.

– Если не знал, – паршивка ехидно передразнивает мои интонации, – на дорогу смотреть нужно.

В бешенстве утыкаюсь затылком в подголовник и стискиваю кулаки. Сколько там дают за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью? Может, стоит рискнуть?

Если до этого момента я еще сомневался, стоит ли воплощать коварный план Рана в жизнь, то теперь уверен в этом на все сто.

Берегись, Грановская. Скоро ты у меня попляшешь.

Из пострадавшего желтого драндулета показывается толстопузый хозяин и, выкрикивая какие-то ругательства, на всех парах несется ко мне.

Ясно-понятно. Сейчас будут разборки.

Устало потираю переносицу, морально готовясь к потоку эмоциональных обвинений. Владельцы дешевых автомобилей, как правило, крайне вспыльчивы. Правда только до тех

пор, пока в их руках не оказывается пачка оранжевых купюр.

Деньги на удивление эффективно умеют затыкать людей.

Тем временем хитрожолая сестрица лихо выпрыгивает из моей машины, очевидно, решив оставить меня один на один с проблемой, которую сама же и создала. Намеренно, между прочим.

Обогнув несколько застрявших в пробке автомобилей, она выпархивает на тротуар и походкой от бедра чешет в сторону универа. Затем оборачивается и с издевательской улыбкой посылает мне воздушный поцелуй.

Ну просто inferнальная стерва!

Глава 15

Лера

– Ай, Лерка! Аккуратней! – пищит Диляра, в очередной раз отпрыгивая в сторону от мяча.

Волейбол ей не дается не дается от слова совсем. Мы пока только подачи отрабатываем, а подруга уже вся измучилась. Я и сама не сказать, что прям профи, но в детстве в дворовых играх всегда участвовала. Поэтому общее представление имею.

– Ну ты хоть попробуй отбить! – смеюсь я, когда она с кислой физиономией притаскивает ускользнувший мяч и встает в исходную позицию.

– Не хочу я пробовать! – бросает недовольно. – Со школы физкультуру ненавижу!

К счастью для Диляры, через пару минут слуха касается визгливая трель звонка, знаменующего конец пары, и студентки, кое-как сложив инвентарь, толпой ломаются в раздевалку.

– Извините! Мне нужна Валерия Грановская, – в дверях спортзала показывается невысокая шатенка.

Не нужно быть экспертом в области моды, чтобы понять, что шмотки на ней – брендовые и стоят баснословных денег. Да и она сама тоже не лыком шита. Вся такая ухоженная,

аккуратная, с гордо расправленными плечами.

– Валерия – это я, – меняю направление и приближаюсь к незнакомке.

Интересно, что ей от меня нужно?

– О, как здорово, привет! – улыбается она, обнажая идеально ровные жемчужные зубки. – Меня Вероника зовут, можно просто Веро, – протягивает маленькую ладошку. – Приятно познакомиться.

– Мне тоже, – отвечаю слегка настороженно, пожимая ей руку. – Ну так... Чем обязана?

– У меня к тебе разговор, – она поправляет стильную сумку от Биркин. – Есть минутка?

– Да, – пожимаю плечами.

Впереди большая перемена, а в женской раздевалке наверняка жуткая толкучка, так что я вполне могу потратить несколько минут, чтобы выслушать Веронику.

– Давай вот сюда присядем, – она указывает на близстоящую скамейку. – Обещаю долго тебя не задерживать.

– Лер, ты идешь? – Дилера, направляющаяся в раздевалку, притормаживает возле нас и одаривает меня вопросительным взглядом.

– Иди без меня. В столовой встретимся.

Подруга кивает и продолжает путь, а я вновь фокусирую внимание на новой знакомой.

– Я из студсовета, – поясняет Вероника. – Через пару недель у нас запланировано грандиозное мероприятие. Мо-

жет слышала, посвящение первокурсников в студенты? – я положительно киваю головой, мол, конечно, слышала, и она продолжает. – Ну так вот, нам срочно нужен декоратор. Девочка, которая занималась этим раньше, выпустилась в прошлом году. И теперь мы ищем нового.

– Круто, – все еще не до конца понимаю Вероникину мысль. – А я здесь при чем?

– Мне сказали, что ты хорошо рисуешь, – ее большие зеленые глаза светятся надеждой. – Не хочешь прийти на помощь?

– Я бы с удовольствием, но тут какая-то ошибка. Художественными талантами я не обладаю. Могу нарисовать домик или солнышко... Но на этом, пожалуй, все.

– Как же так? – девушка разочарованно всплескивает руками. – Неужели ребята что-то напутали? Сказали, что у тебя в анкете указана информация об окончании художественной школы...

Вероника выглядит не на шутку опечаленной. И мне это даже импонирует. Редко встретишь таких равнодушных к общему делу людей.

– Нет, художку я точно не заканчивала, – посмеиваюсь. – Вот моя лучшая подруга – да. Она мастер в этом деле. Всегда мои рисунки в пух и прах разносила.

– А она здесь учится? Ну, твоя подруга? – вскидывается.

– Нет, она из другого города.

– А... Понятно, – снова снижает. – Жалко.

Какое-то время мы молчим. Вероника озабоченно покусывает ноготь на большом пальце, а я ловлю себя на мысли, что мне нравится эта девушка. С виду вся такая из себя фифа, а на деле тот еще массовик-энтузиаст. Не зря все же говорят, что внешность обманчива.

– Слушай, а может, я чем-нибудь другим помочь могу? – предлагаю. – Рисую я, конечно, как курица лапой, но вот танцую неплохо. А еще на пианино умею играть.

– Пианино – это хорошо, – она снова улыбается. – Ты планируешь вступать в студсовет?

Еще бы! Это один из обязательных пунктов моей студенческой жизни!

– Да, но я думала, набор первокурсников состоится не раньше октября. Читала об этом на информационном стенде.

– Так и есть, – Вероника придвигается поближе и заговорщически понижает голос. – На самом деле я тоже первокурсница. И пока нахожусь в совете неофициально.

– Да? – удивляюсь я. – Как так?

– Очень просто, – хихикает. – Моя старшая сестра – председатель. Она на четвертом курсе учится. Я едва поступила, а она уже всюю меня гоняет по своим поручениям. То одно, то другое подкинет. Привыкла командовать.

– Прикольно, – с каждой новой секундой Вероника располагает меня к себе все больше и больше. – А ты на каком факультете учишься?

– На Экономе. А ты?

– Мехмат.

– Ого, это, должно быть, очень трудно, – она округляет глаза.

– Да не особо. Если любишь точные науки, самое оно.

Я сама не замечаю, как мы с Вероникой погружаемся в непринужденный и очень увлекательный разговор. Обсуждаем институтские сплетни, делимся впечатлениями о преподавателях, хохочем.

В реальность я выныриваю только тогда, когда в коридоре становится подозрительно тихо. Кручу головой по сторонам и понимаю, что мои сокурсницы уже давно переоделись и умотали на обед в столовку. А я по-прежнему сижу в спортивной форме и чешу языком.

– Ты меня заболтала! – с улыбкой корю Веронику, поднимаясь на ноги. – Девчонки без меня ушли. Мне тоже пора, а то поесть не успею.

– Ой, прости, я та еще говорунья, – она тоже вскакивает, поправляя стильные брючки. – Ну что, тогда до встречи? Если вдруг найдешь художника среди своих знакомых, направь его в штаб-квартиру студсовета. Там будут рады.

– Непременно, – адресую ей прощальную улыбку и скрываюсь в раздевалке.

Как я и предполагала, тут уже никого нет. Диляра с Полиной наверняка ждут меня в столовке. Глянув часы, прикидываю время, которым располагаю, и в итоге принимаю решение быстренько сполоснуться в душе. А то после физ-

культуры вся липкая.

Скидываю одежду, просовываю ноги в сланцы и натягиваю на волосы специальную шапочку. Чтобы не намочить их. Захожу в одну из душевых и осторожно поворачиваю кран. Прохладная вода, брызнувшая на кожу, приятно освежает и дает заряд бодрости. Будто второе дыхание открылось.

Помывшись, протягиваю руку к крючку, на который повесила полотенце и с удивлением обнаруживаю, что там его нет. Упало, что ли? Выхожу и кабины и пораженно расширяю глаза: полотенце будто испарилось. Ни на полу, ни на соседних крючках его нет.

Обняв себя руками, шлепаю в раздевалку. Успокаиваю себя мыслью, что я, наверное, просто забыла полотенце в шкафчике. Ну а как иначе? Не могло же оно пропасть. Кроме меня в раздевалке ни души.

Мокрая кожа мгновенно покрывается мурашками, и я зябко ежусь. Быстрее бы уже вытереться и одеться! Однако, когда я распахиваю металлическую дверку, моя челюсть медленно отъезжает вниз, а ощущение холода уходит на второй план, уступая место глубочайшему шоку.

Моих вещей здесь нет. Ни одежды, ни полотенца, ни сумки.

Только трусы с лифчиком сиротливо висят. И все. Больше ничего.

Что за чертовщина?!

Несколько раз моргаю в надежде, что меня просто подво-

дит зрение, но картинка перед глазами, увы, не меняется: в шкафчике удручающе пусто. В панике заглядываю поглубже и вдруг на самом дне замечаю сложенный пополам белый лист.

Трясущимися мокрыми пальцами подхватываю бумажку и с замиранием сердце разворачиваю ее.

«Твои вещи ждут тебя у колонны на четырнадцатом этаже. Приятного пути. Надеюсь, не замерзнешь».

В ярости сминаю листок и отшвыриваю его в сторону.

Вот же проклятье! Кто посмел так по-свински надо мной подшутить?!

Глава 16

Лера

Меня трясет. Колотит крупной непроходящей дрожью. Не знаю, то ли от холода, то ли от негодования. Хочется вопить и орать благим матом, но трезвый ум подсказывает, что это не поможет. Выплеснуть негатив можно и потом. А сейчас нужно в экстренном режиме продумывать план дальнейших действий.

Я по-прежнему голая. Стою в пустой женской раздевалке и судорожно соображаю.

Сумки нет, соответственно, телефона тоже. Значит, идея позвонить девчонкам за помощью отпадает. Из одежды осталось только нижнее белье. Кружевное, полупрозрачное. Купленное мной непосредственно перед переездом в Москву. Я хотела, чтобы в новой жизни у меня все было идеально. И внутри, и снаружи. Только вот на деле и

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.